«Чтобы ни произошло в будущем, даже если потомки одного из народов, что сейчас подписали этот договор, здесь, в местечке у Драконьих зубов, в третий день месяца Огненной Серогрудки года Пещерной Улитки, исчезнут с лица Рождающей, и о них никто более не вспомнит, мы, вожди племён хумантов, что живут вдоль восточных отрогов Большого Хребта, а именно: Силач Громобой из Большой Горы, Глашатай Одноглазый из Предгорья, Мощь Долгорукий из Хорошего Пристанища и Лев Тёмный из Пенного мыса, а так же присоединившийся к нам вождь племени, что живёт на западном берегу Долгого озера, известный как Спаситель Железный Обруч, с одной стороны и вожди стай атунов, живущих в отрогах Большого Хребта, а именно: Сиану[1] Последыш из Небесных Гнёзд, Торак[2] Кровавый из Чёрных Пещер и Вея[3] Озёрная из Прилесья клянутся в следующем:

---

[1] **Сиану** – суаф – *Кара небес*, имя младшего атуна
[2] **Торак** – суаф – *Человекоубийца*, имя младшего атуна
[3] **Вея** – суаф – *Долгая,* имя младшей атунэ

Первое! Воспитывать своих детей во взаимном почтении и умении ладить между племенами хумантов[4] и атунов[5].

Второе! Всегда помогать друг другу в час нужды, делить кров, еду и славу, даже если от какого либо племени останется лишь кто-то один и более никого не будет.

Третье! Иметь с рождения и до смерти меж собой связь, называемую атунами «беседой разумов и сердец» и не прекращать её между выбранными из племён доверенными, известными отныне и навек как

НЕБЕСНЫЕ ВСАДНИКИ

Portus sero, quam numquam[6]
Мо вита йомая![7]

Книга первая. **Хроники Третьего поколения**

Часть первая. Путешествие в горы и полёт с горы

---

[4] **хуманты** – *люди для всех нечеловеческих рас*

[5] **атуны** – суаф – ***атуа***, *превосходно, великолепно, степень от* ***туду*** *- хорошо* – так называли два первых поколения драконов, которые были рождены в Главерфельте и которые традиционно считаются ментальными потомками Великих Первых, чьи души перевоплотились в этих драконов. Все остальные поколения принято называть ясами или стахами, в случае, если они утрачивали способность летать. Сиану, Торак и Вея – были представителями второго (младшего) поколения атунов

[6] **Лучше поздно, чем никогда** – лат

[7] **Во славу небес!** – суаф

Рассказ 1. **Разные книги**

Меня зовут Беллинт[8] сын Рамлита[9] из Зелёного Дола. А просто – Бельт. Я – небесный всадник Третьего колена, предводитель клана Огненных Ветрогонов. Когда меня спрашивают, правда ли то, что кроме неба у нас ничего нет, я отвечаю – когда мы рядом, у вас нет даже неба…

Хотя я и родился в предгорьях Бакрона[10], но рано осиротел. И сердобольная родня, чтобы, не кормить пару лишних ртов, отправила нас с сестрой в приют в Южный Удел, что находился очень далеко от Синего отрога, где прошло моё детство. В Силедорне монахи-отшельники ордена Огнеборцев устроили свою обитель, занимаясь в основном перепиской древних книг для консулата ордена. Местные бароны по соглашению с консулатом

---

[8] **Беллинт** – суаф – *левша*
[9] **Рамлит** – суаф – *рука Солнца*
[10] **Бакрон** – суаф – *Большой Хребет*

должны были снабжать переписчиков десятой долей со своих угодий, однако на всякий случай монахи держали крепкое хозяйство… Ведь не всегда орден мог постоять за свои отдалённые владения. А для хозяйства требовались руки. В общем, наличие приюта весомо облегчало задачу по ведению большого монастырского хозяйства. А сироты, в конце концов, становились либо этими самыми работниками, либо послушниками, ну а послушники теми же монахами…

Меня ждала такая же участь. Что же до сестры? Женской части не существовало, а потому всех девочек рано или поздно ждал работный дом в единственном большом городе на севере Бакрона – Талумсиме[11]. Это, если им повезло отправиться в Талумсим с конвоем кавалеров ордена. Доблестные рыцари нечасто, но регулярно навещали силедорнскую братию, отбирая для своих нужд книги и оставляя новые поручения. В тот год Тэе[12] не повезло. Её и

[11] **Талумсим** – суаф – *мир вам!*
[12] **Тэя** – суаф - *последняя*

всех девочек, что отправили на север без рыцарского конвоя, настигла в какой-то из лесных полос воровская банда. Больше я о ней не слышал.

Все годы, проведённые в приюте, слились для меня в один день. Вообще-то монахи не такие уж и глупцы, как полагают иные! Большинство сирот, конечно, так и остаются бесправными работниками монастырских угодий. Но не мы! Нас монахи тщательно отбирали. Ведь для того, что бы стать переписчиком одних крепких рук мало. Так, по крайней мере, говорили сами монахи.

О нет! Монахи вовсе не были глупцами. Один из них, наставник чистописания, любил повторять фразу на древнем языке «окросо фо сет [13]». Позднее, став всадником и начав понимать не только язык Великих Первых, я с горечью осознал, что иным созданиям Деи не стоило знать даже самый никчёмный говор. Первые три года после битвы на Яблочной равнине я

[13] **«окросо фо сет»** - суаф, букв. – *«дели и управляй»*

хотел вернуться в Силедорн и дать волю своему брату по разуму и сердцу. Но что-то вечно удерживало меня, а потом я узнал, что настоятель окончательно сошёл с ума, едва узнав о Третьем колене. В приступе безумия он облил всё вокруг себя маслом, стоя прямо посреди Зала переписчиков. А затем дождался, когда рано утром придёт брат-истопник с чаном зажжённых угольев…

Пожар не сумели потушить, хотя дело было зимой. Все кельи братии выгорели дотла, но большинство из монахов погибли раньше, от удушья. Мало кто выбрался! Те же, кому посчастливилось, замёрзли в следующую ночь, ибо северный ветер, отразившись от отрогов Бакрона, принёс с собой давно невиданную стужу. До городка, у Северного тракта добрался лишь один – наставник переписчиков. Он то и рассказал, как было дело. Бедняга всю жизнь потом побирался, боясь хотя бы на

день пути, приблизится к злополучному обиталищу своих собратьев.

Вот, пожалуй, и всё, что стоило бы рассказать о будущем того места, которое я покинул опустошённым и отвергнутым спустя десять лет после того, как нас с Тэей туда привезли. Все десять лет унижений и зубрёжки, ночных бдений и дневных забот, что тяжким, порой непосильным грузом, ложились на детей приюта, как я уже сказал, превратились для меня в один медленно-тянущийся день. Вернее, превратились бы, и кто знает, может быть, и меня схоронили бы на кладбище у северной стены, куда свозили всех моих товарищей по несчастью, не выдержавших приютской жизни? Так вот, годы, вполне возможно и стали бы одним днём, если бы ни книги… Нет! Не те, что нас учили переписывать! Всё в них: и бесконечные своды правил и заунывные наставительные проповеди ни о чём, и ещё много чего из чьей то совсем непонятной для меня и странной жизни,

каких то кавалеров и монахов ордена и многих, чьи имена как струи воды на мельнице, рядом с которой я сейчас живу, на миг перетекли и растворились в водопаде, - словом, всё это было так плесневело и отдавало затхлостью, как те старые книги, которые превратили в труху прозрачные древесные черви, и которыми брезговали даже тощие монастырские крысы.

Нет! В дальнем помещении обширной монастырской библиотеки были как попало сложены фолианты, видимо оставшиеся с очень древних времён, когда монастыря не было и в помине… Иначе, как объяснить, что ни один монах, кроме наставника чистописания и настоятеля, не знали языка, на котором были написаны эти книги. Обычно их использовали, как подставки для других книг, а в особо холодные дни и ночи, как дополнительный обогрев. Ибо их сделали из такого материала, что книги почти не горели, а еле тлели. Очень многие из этих

книг были уже обожжены по краям, когда я впервые взял их в руки. Каждая из них оказалась не свёрнутой в рулон длинной простынёй, как монастырская, а сложенной и склеенной в несколько тетрадей, вроде тех, по которым нас, молодых переписчиков учили чистописанию. Секрет клея, как я узнал позже, оказался давно утерянным. Оттого переписчики и не пользовались таким способом, а если и пользовались, то лишь для того, чтобы не склеить, а сшить несколько тетрадей объёмного «Кодекса Огнеборцев», который по этому поводу называли «Ясудиаралитая». Я долго смеялся, когда узнал, как по-настоящему переводится это длинное мудрёное слово – ясудиаралитая. Да и как оно на самом деле произносится…

Так вот, однажды, случайно, когда зимняя стужа выветрила почти всех переписчиков по кельям, а мне в наказание за какой то, уже не помню какой, проступок, дали урок прибраться и

растопить печи в дальних коридорах библиотеки, я наткнулся на один такой фолиант. В отличие от своих собратьев, затянутых в кожу и крепко скрепленных ремнями, он, почему то оказался раскрыт. Поначалу меня прошиб озноб, ведь нас, детей, пугали, что в этих книгах находят себе приют демоны, от того, дескать, их и не едят книжные черви (что, кстати, было правдой – черви ели только простынки, как мы называли монастырские книги). Я испугался, что один из таких демонов открыл дверь своего жилища, спрятался за стеллажами и сейчас нападёт и сожрёт меня.

Я огляделся. Но и малого движения мною замечено не было. Постояв так, я совсем озяб. И скорее мороз, чем любопытство погнал меня в сторону раскрытой книги. Осторожно, чтобы не вспугнуть видимо ушедшего по своим делам демона, я посмотрел на листы. Раньше я видел корявые, почти бесплотные изображения мучеников и

рыцарей, проповедников и монахов, часто встречающихся в переписываемых братией книгах. Их со всем тщанием долго и скрупулёзно, выводили специально обученные монахи-живописцы. Так вот! Ничего подобного здесь не оказалось!

На меня в упор посмотрел строгий чёткий, как будто живой лик благородного длиннобородого воина в высоком странной, конусообразной формы серебристом шлеме. Борода его была заплетена в большую тугую косу, как и волосы у висков и усы. Невиданной мною прежде формы панцирь прикрывал пурпурный плащ с тонким серебристым рисунком по краям. Воин опирался на вытянутый эфес, по-видимому, очень длинного меча, чьё лезвие уходило в складки плаща. На одной из рук воина, одетых в перчатки того же тёмного сливового цвета красовался массивный перстень с изображением знака, что я где то уже видел, но тогда не обратил на это внимания. Нет! Тогда меня в первую

очередь привлёк суровый, но спокойный и властно-сосредоточенный взор зелёных глаз из-под густых серебристых бровей. Воин был стар, но от него исходили такая мощь и могущество, что я долго не мог оторвать от его глаз своего взора.

Только тот же холод, что привлёк к фолианту, так же резким порывом сквозняка, вывел меня из этих странных чар. Потому что несмотря на всю мощь, я не чувствовал ровным счётом никакого страха. Позже, долгими часами проводя всё свободное время в библиотеке (а его было так ничтожно мало!) я не мог оторваться вначале от этого, а потом и от многих иных изображений, содержащихся в книге. Там было всё! Но главное – там был совсем другой мир! Совершенно не похожий на тот, что я знал до этого. Позже я научился открывать застёжки с секретными замками на других книгах, а затем, когда однажды набрёл на очередной такой фолиант, то понял, что обрёл нечто поистине бесценное. В нём

размещались только прекрасно выполненные изображения, под которыми в виде подписей синели странные буквы. Он был огромен, и, застеленный скатертью представлял собой – столик для дневных пайков переписчиков. На его изучение у меня ушёл год. В тот самый год нас, наконец-то научили читать то, что мы переписываем. Знали бы мои наставники, что в тот славный год я научился читать не на одном, как все, а на двух языках!

Да, в тот год я научился читать древние книги… И хотя не сразу и не всё в них мне стало понятно, но это не имело уже ни какого значения! В этих книгах содержались знания об окружающем нас мире, о том, что сталось с нашими предками и что будет с потомками, о том, как строить города и возводить невиданные башни Силы, о том, как укрощать стихии и заботится о мире, в котором мы живём. Но самое главное я узнал о том, кто я такой и кем надлежит стать мне! Да, это странно, но очутиться в

этом ненавистном моему сердцу монастыре стоило лишь для того, что бы обрести своё истинное предназначение.

Из книг я узнал, что некогда жило два поколения небесных всадников. И тот, чей лик я увидел в первой книге, был мой далёкий предок – Ариомус[14] Длиннобородый с западного берега Долгого Озера. В своё время он был вожаком Арвирна – левого крыла *анэстиров*. Я – потомок тех, кому ужасные и прекрасные атуны древности позволили оседлать своих потомков – могучих драконов Бакрона. Когда-то анэстиры на своих *ясах* были полновластными хозяевами неба и земли к востоку от Бакрона. А то, что я привык называть монастырём, оказалось их южным оплотом и резиденцией вожаков Арвирна. Ближайшие горы к западу от монастыря – были испещрены укрывищами ясов, так звали своих драконов потомки пяти людских племён, подписавшие настоящую

[14] **Ариомус** – суаф – *свет небес*

«Ясудиаралитаю», что означало вовсе не кодекс огнеборцев, а «Договор драконов с детьми пылающего огня».

В стародавней древности, гласили книги, между жителями Бакрона и атунами шла война, грозившая истребить и тех и других. Люди научились сражаться с атунами их же оружием, выжигая пещеры, в которых драконы прятали свои кладки и клады. Для этих людей блеск золота был пустым звоном, и потому они плавили всё то, что веками так любовно собирали атуны, и скидывали никому не нужные слитки в глубины Долгого озера. Драконы ненавидели их, но ничего не могли поделать – ведь люди преодолели не только жажду наживы, но и древний страх перед своими врагами. Тогда самые мудрые из атунов – Сиану Моклен, Торак Лекс и Вея Март заключили с этими людьми вечный союз.

Так возникли небесные всадники. Их первое поколение не вмешивалось в дела иного мира, разве лишь угроза извне

заставляла анэстиров садиться на ясов и давать достойный отпор любому врагу. От тех времён почти ничего не сохранилось, кроме самого договора, который и люди и ясы знали наизусть и который ни разу не нарушили.

Но второе поколение небесных всадников отреклось от заветов предков. И людям и ясам захотелось власти. Их уже не интересовали золотые безделушки или изумрудные россыпи и не было дела до того, что останется после них. Жажда власти над всем миром превратила благородных отшельников в доблестных и беспощадных воинов, покорявших всё на своём пути. Не прекращавшиеся войны, которые вели анэстиры, однажды привели к тому, что на земле не осталось ни одного существа, которое бы не боялось и не ненавидело небесных всадников. Весь мир объединился против них. И хотя анэстиры были по-прежнему сильны, а ясы – могущественны, как их предки-атуны, одна, за одной пали все башни Силы,

которые строили всадники на покорённых землях. Одной из последних пала башня Силедорна. Последний её защитник, сын Ариомуса Длиннобородого, погиб в ужасном, но неравном бою с кавалерами-огнеборцами. Башню сравняли с землёй, а её фундамент, который так и не сумели разворотить, стал фундаментом для монастыря. Это произошло в седьмой день месяца Дождей года Синего Быка.

Когда нас научили счёту, я вычислил, что Гимут[15] Стальной погиб тысячу пятнадцать лет назад. Его отец не дожил до страшной участи сына, и для меня открытием стало то, что тайн[16] Ариомус похоронен в основании башни, называемой Урдор-ди-Хвир – Предел Северного ветра. Но ведь Урдор-ди-Хвир – это наш монастырь! Значит, я могу найти склеп Ариомуса. Я тогда ещё не осознавал, зачем мне это нужно… Ведь я ещё не знал главного! Просто, что-то заставило меня

---

[15] **Гимут** – суаф - *Спаситель*

[16] **тайн** – суаф – *предводитель, командующий, воевода, генерал*

искать место последнего приюта вожака Арвирна.

Шёл девятый год моего пребывания в монастыре. Я, и ещё трое мальчиков моего возраста должны были пройти обряд посвящения в послушники. Но что бы это сделать, я должен был назначить себе испытание. Как правило, испытание определял брат-попечитель, закреплённый за кандидатом, но мне важно было попасть на нижние этажи монастыря, поближе к основанию. И я испросил у своего попечителя разрешения удалиться на три месяца в тёмную келью подземелий для непрерывного поста и изможденій. С собой я обязался взять лишь несколько древних фолиантов, якобы для растопки в случае, если в подземелье будет очень холодно. Раз в десять дней мне должны были спускать, по выдолбленному специально для этих целей в толщи фундамента лазу, хлеб и вино.

Мой попечитель не понял такого рвения и поначалу настаивал на более мягком испытании. Немногие решались на то, чтобы встретиться лицом к лицу с демонами, таящимися в основании ненавистной башни. Пусть даже от этой башни и осталось лишь одно основание. Но на сей раз, я нашёл заступника в лице презираемого мною наставника чистописания, которого произвели к тому времени в старшие переписчики. Три месяца в сырости, среди зловещих стен и, главное – без света! Товарищи сочли меня чудаком. Но к тому времени я уже многое знал…

А главное, я знал, как добыть свет там, где его по мнению монахов не могло быть. Эти бедные, неглупые, но тёмные невежды, верившие всем сказкам, что писались в их простынях, не знали и сотой доли того, что я почерпнул из фолиантов. Мир, в котором я жил в свои семнадцать лет, оказался гораздо сложнее и интереснее, чем тот, что видели они.

О-о! Я знал не только как зажигать огонь в кромешной тьме, но и как выжить там, где выжить нельзя совершенно. И как за три месяца найти то, что не могли найти веками.

Через две недели я уже излазил всё основание монастыря вдоль и поперёк. В одном из фолиантов, что я взял с собой, был подробный план подземелий, а главное – тайного лаза, ведущего прямиком в горы. Настанет день… я это знал, когда я воспользуюсь этим лазом, чтоб навсегда сбежать из моей тюрьмы. А пока мне необходимо отыскать подземный некрополь, и увидеть склеп того, чей облик заворожил меня в первый день моего соприкосновения с миром анэстиров.

Рассказ 2. **Слава и позор**

Прежде, чем рассказать о том, что я нашёл в подземелье монастыря, я должен поведать о том, с кем в это время я

подружился, и кто окружал меня кроме монахов. Во-первых, это был Тюдрат[17], из одного со мной селения. Это нас и сдружило. Помню, когда мы впервые встретились, меня поразила большущая непослушная копна самых рыжих волос, какие мне довелось встретить. Мы старались держаться вместе, несмотря ни на что. Ведь многие были с востока из Марлена[18] и приозёрного Эмлацэта[19], их мы называли озёрскими. Все они были задирами и негодными ни на что, кроме грубой работы. Из них потом и вырастали работники для угодий. Они не держались особняком, как мы с Тюдратом или местные, пригорские мальчишки, коими верховодил Тимин[20] Хромой, наш с Тюдратом сверстник. Глурависских[21] было раза в два меньше, чем озёрских, но они держались кучкой, а озёрские – те просто сбитые в общую свалку. Таких, как я и

---

[17] **Тюдрат** – суаф. – *медные волосы*
[18] **Марлен** – суаф – *озёрная страна*
[19] **Эмилацэт** – суаф, *букв. – мой Лацэт - Малый Лацет, собственно Лацэт без других владений*
[20] **Тимин** – суаф – *перен. могучий, как буйвол*
[21] **Глурависских** – *букв. из Глурависа, Глуравис* – суаф – *Новое Предгорье территория на юго-западе Лацэта*

Тюдрат – из Пенлента, спасало лишь то, что почти всем нам монахи уготовили участь переписчиков. Вместе с нами держались и северные – те, кого пригнали из Фелонта[22]. Из них выделялось двое – Раслин[23] и Калпет[24]. Оба младше нас, но не по уму. Как и мы с Тюдратом, большую часть времени они проводили в библиотеке. А если на нас или на них нападали озёрские или пригорские, они и мы старались прийти на помощь. Хотя в иное время смотрели друг на друга с неприязнью.

Зеленодольские, как нас называли и северные жили в разных углах огромного дома, бывшего некогда, по-видимому, конюшней. Я потом узнал, что то здание и впрямь была конюшней, ведь не все мои предки были анэстирами. Вернее анэстиры нанимали в охрану башен конников центральных равнин Дуномеи[25], которые защищали башни в отсутствие

---

[22] **Фелонт** – суаф. - Приморье, полунезависимое герцогство на севере Лацэта
[23] **Раслин** – суаф - *создание Ра*
[24] **Калпет** – *надёжный охранник*
[25] **Дуномея** – суаф, букв. – Нижние Владения – область на юге Лацэта

самих всадников. В центре приюта жили озёрские, а на втором этаже, который занимали когда-то сами степняки, помещались кельи наставников и жили пригорские.

Всего нас насчитывалось чуть больше двух сотен. А конюшни, наверное, могли вместить раз в десять больше. Многие из них пустовали так, что образовывались места, в которых ни ступала ничья нога, кроме, разве наших ног. Отдельно, правда, существовали кельи для девочек, которым полагалось жить в приюте до четырнадцати лет. Затем их увозили.

Каждый уважающий себя сирота (в смысле вожак) обустраивал в пустующих частях конюшен логово. Такое было и у Тимина Хромого и у озёрских. Наше с Тюдратом логово находилось у самого левого края конюшен, там, где когда-то помещалась мастерская. Мы нередко находили и собирали разные замысловатые части, оставшиеся от повозок, убранства и совсем уж чего то

непонятного. В одной из комнат мы устроили тайник, куда стаскивали всё найденное. Затем зимой, когда жизнь в монастыре как бы застывала, мы подолгу рассматривали найденное, пытаясь разгадать загадку каждой вещи. Мы очень дорожили этими вещами. И если бы наш тайник кем-то оказался б открыт, этот кто-то очень бы поплатился за своё «открытие». В этом смысле и я и Тюдрат были настроены более чем решительно. Мы даже поклялись, что будем оберегать наш клад, во что бы то ни стало. Как потом выяснилось – не мы одни всем этим увлекались. Но мы, не в пример иным, оказались верны нашей детской клятве.

Впрочем, а чем ещё можно было заниматься, как не пытаться убить долго тянущееся зимнее время?! Время, которое кроме холода и смерти ничего больше не приносило ни нам, ни даже монахам.

Большинство монахов были выходцами из таких же сирот как мы, но среди нас жили и такие, они-то всем и заправляли,

которые прибыли в монастырь с юга, откуда пришли некогда сами завоеватели. Из их исла и настоятель и ключник и наставник чистописания, который потом стал наставником переписчиков. Мой с Тюдратом попечитель тоже из южан. Он был строг с нами, но, пожалуй, он единственный, кто по-настоящему о нас заботился. Однажды мы узнали, что наш попечитель стал монахом почти по тем же причинам, что и мы. Он рано остался сиротой и настоятель просто взял его с собой сюда, на север, поскольку приходился ему каким то родственником. Это как то нас сблизило. Впрочем, попечитель скорее не давал себе по отношению к нам той воли, что иные подобные ему, но и снисхождений от него дождаться – дело неблагодарное. Мы привыкли к тому, что он просто как может, заботится о нас. Жаль было узнать, что он погиб не во время пожара, а потом, холодной ночью.

Позднее я заставил местных извлечь его останки из общей могилы, благо помогло то, что он носил на шее особый оберег, которого ни у кого больше не было. Я закопал его тело в основании новой башни Силы, что отстроил, разобрав стены монастыря. Я ведь восстановил Урдор-ди-Хвир, а потом и все остальные башни, что стояли в древней стране анэстиров, которая, кстати, называлась Лацэт, что значило – Королевство Башен, а жители её звали себя лацтианами. Я, Тюдрат, Раслин, и Калпет и даже хромой Тимин были лацтианами. А ведь монахи так называли нас только тогда, когда добавляли «грязные», «вшивые», «безродные», «убогие» и другие эпитеты. Они, по мнению братии, должны были подчеркнуть наше «истинное» положение.

Узнав истинный смысл слов, я с гордостью называл себя лацтианином, чтобы перед этим не говорилось. Тюдрат, вслед за мной, тоже называл себя так. Хотя даже ему я не посмел тогда открыться и

показать своё самое главное сокровище. Свой настоящий клад. Возможно, это стало ошибкой с моей стороны. Ведь если бы Тюдрат сразу узнал то, что узнал я то… Впрочем, об этом позже.

А пока меня каждые десять дней снабжали хлебом и вином, изрядно разбавленным водой. Я же обшаривал всё новые и новые части обширного, как оказалось, подземелья. Здесь я обнаружил, что через систему туннелей можно добраться до некоторых комнат библиотеки. В ночное время я стаскал в своё убежище все древние книги, чем немало, наверное, удивил монахов, которые должны были когда-нибудь заметить исчезновение, по крайней мере, столика для пайков. Нашёл я и лаз, ведущий в горы. Им оказался длиннющий, почти ровный и довольно просторный тоннель, всего лишь в нескольких местах то спускающийся, то поднимающийся. В этих местах анэстирами были предусмотрены дополнительные

преграды для врага, закрытые комнаты, запертые на хитроумные замки и помещения для временного отдыха. Потом я узнал, что в закрытых комнатах надёжно хранилась провизия и оружие, изготовленное много веков назад ещё заботливыми всадниками первого поколения. Когда мы отвоёвывали Лацэт, эти знания нам пригодились. Ведь нас оказалось в разы меньше, чем по задумке должны были выйти из подобных туннелей людей. Примерно столько, сколько нас помещалось в конюшнях по отношению к самим конюшням.

Тогда я поразился мощи и мудрости моих предков. И именно тогда в моей душе проросла ненависть к поработителям, которым мало было изгнать анэстиров с их собственных земель. Нет! Они захватили Лацет и уничтожили большую часть его жителей, а оставшихся лишили памяти…

Мне долгое время не удавалось лишь одного – найти то, ради чего я здесь и

очутился. Могилу Ариомуса Длиннобородого. Я по-прежнему не знал, для чего я это делаю, и что меня к ней влечёт. Но что-то во мне говорило, что я обязан найти эту могилу. Спустя почти год, после моего испытания, я всё узнал: и то, почему именно я заметил раскрытый фолиант и то, почему с него на меня посмотрел Ариомус, и то почему мне нужна была именно его могила. Разумеется, я не мог знать, что все мои планы будут разрушены, а потому вообще сверхъестественным мне до времени казался тот факт, что я, словно повинуясь, чьей то, но явно не своей, воле, дошёл до конца туннеля и, с неимоверным усилием, открыл массивную дверь, ведущую наружу. Я отметил место, где мои глаза вновь увидели солнце спустя почти два месяца. А ведь что бы дойти до конца мне понадобилась целая неделя. Правда, я досконально исследовал туннель… Обратно я шёл гораздо быстрее… мне нужно было успеть к очередной декаде,

иначе мою хитрость обнаружили бы враги.

Да, именно враги! Даже своего заботливого попечителя я уже не мог называть иначе, как враг. Все нелацтиане были враги. И даже те лацтиане, кто надели монашескую рясу, стали мне врагами-предателями, худшими, чем враги-южане.

Меж тем заканчивался срок моего испытания, но могила Ариомуса так и не находилась. Я перебрал все фолианты, всё, что относилось к периоду Завоевания. Тщетно!

Отчаяние овладело мной. Я знал всё, но не знал самого главного. По крайней мере, мне так казалось.

Последний день я и впрямь провёл в посте и бдениях. Мне всё казалось, что я делаю что-то не так. Но что именно, понять не мог.

Почему то запомнил, как меня вытащили. Было пасмурно, и мне не пришлось делать усилий, что бы скрыть,

что видел свет. Попечитель сухо меня поздравил и отвёл к настоятелю. Там меня ожидали несколько наставников, желавших поприсутствовать во время полагающейся мне наставительной беседы. Впрочем, беседы не получилось. Настоятель что-то выкрикивал, что-то нашёптывал, сидя далеко от меня в большом красном кресле. Я так и не понял ни одного слова, хотя бы потому, что он говорил в основном на южном наречии. Они обучили нас переписывать на своём языке книги, но сам язык толком изучить не дали.

Нескоро, но нудная и непонятная речь настоятеля иссякла. Попечитель спросил меня, не хочу ли я чего перед моим посвящением. Помню, что попросил принести мне немного того вина, что поили меня все эти месяцы. К вину в монастырской трапезной, куда меня отвёл один из монахов, подали немного баранины и большой ломоть сыра. Поспели яблоки, и прямо передо мной

стояло огромное блюдо с Красным наливом.

Затем я пошёл к себе. По дороге мне встретился Раслин, который сообщил неприятно поразившую меня весть. Тюдрат не выдержал своего испытания и сейчас томится в застенке на заднем дворе монастыря. Я не медля ни минуты, помчался туда. Если бы я тогда хоть немного подумал, возможно, всё было бы совсем иначе. Но юности свойственны пылкость и стремительность, и я помчался на задний двор.

Там, стоя у решётки, я услышал печальный рассказ товарища о том, что наставник велел ему начать переписывать «треклятую» «Ясудиаралитаю». Уже зная истинный смысл этого слова, я невольно вздрогнул. Тюдрат не справился, поставив жирнющую кляксу прямо в тот миг, когда бдительно око старшего переписчика следило за его трудом. Тюдрата высекли и бросили в темницу, где он пребывает вот уже вторую неделю. И так будет ещё три

месяца, до конца его срока испытания, а потом сам настоятель пообещал отослать его к старшине пастухов. Дескать, там ему и место.

Я возмутился таким наказанием. В волнении я обронил фразу, ставшую для меня роковой.

«Ничего!» - сказал я. – «Я знаю способ поквитаться со старшим переписчиком. Да так, что он надолго запомнит, как связываться с детьми Пенлента и Ангурависа[26]»

«Что сможешь сделать?!» - сокрушённо покачал головой Тюдрат.

Тогда-то я поведал ему то, что давно уже намеревался сделать перед побегом. А хотел я ни больше, ни меньше – сжечь проклятую библиотеку, да так, что бы никто не узнал, кто именно это сделал.

«Что ты задумал?!» - ужаснулся Тюдрат. Но его положение только укрепило меня в этой мысли. Я попрощался с товарищем и

---

[26] **Ангуравис** – суаф. - *Верхнее Предгорье – область на западе Лацэта, которую принято называть так же Аглацэт – Старый Лацэт, имея в виду, что именно здесь в древнюю эпоху был заключён Договор*

пошёл к себе, на ходу обдумывая детали плана.

На следующий день я, улучив момент, вновь прокрался к узнику. На сей раз Тюдрат не возмущался моему плану, но напротив, захотел помочь в его осуществлении. Я пообещал, что найду способ, чтоб он незаметно вышел из своей темницы. Хотя по существу я уже считался послушником, ибо прошёл испытание, но, согласно заведённым правилам, посвятить меня должны были вместе со всеми. Даже если бы за это время я умер! Так сказал попечитель, разъясняя мне новый статус в их общине. Я мог уже питаться в монастырской трапезной на дальних скамьях, предназначенных специально для послушников и выходить за пределы монастыря по собственному желанию.

Побег и пожар намеались на ночь, предстоящую дню посвящения. В том, что я убегу, я не сомневался. Эта часть плана была продумана так, что я якобы сгорел в огне и меня никто не стал бы искать.

Правда с собой в огонь я пожелал прихватить и ненавистного старшину. Все месяцы я провёл в библиотеке, незаметно стаскивая туда кувшины с маслом. Чтобы никто на них невзначай не наткнулся, я, зная уже, какие отделы библиотеки мало используются, лил масло прямо на стеллажи. По ночам я освобождал Тюдрата, и мы приносили в библиотеку небольшие вязанки соломы, которую втыкали пучками между туб с книгами.

Я отчего-то не сказал товарищу о моих дневных приготовлениях, объяснив ему, что днём я готовлюсь к небольшому представлению, которое намерен разыграть той ночью. Помню, мы украдкой смеялись над нашей предстоящей проделкой, вернее смеялся я, Тюдрат лишь улыбался…

Когда меня привели к настоятелю и бросили ему под ноги, я вновь увидел улыбку Тюдрата… Как мне тогда показалось – торжествующую и злорадную. Он выдал меня старшему

переписчику в первый же день, сообщив тому все подробности плана. Позднее я не раз спрашивал себя, за что он так со мной поступил?! Помню, мне что-то кричали о наказаниях, что меня ожидают, о страшных муках, что я испытаю, если легко и быстро умру на пытках. О том, что мой труп отдадут собакам, а имя сотрут из всех книг, будто я и не жил.

Все они ошибались. Даже тогда, когда с позором провели меня сквозь строй моих товарищей по приюту, в глазах которых, я тщетно искал понимания. Хотя все, даже озёрские, сочувствовали мне. День посвящения стал первым днём моих мук. Каждый день начинался с порки у столба и заканчивался тем, что меня, привязав за ярмо, приводили в монастырь из деревень, куда все стекались поглазеть на «поджигателя Бельта». Плевки и затрещины быдловатых сельских зевак – не самое страшное. Самое страшное было ночью, когда меня заставляли при свете огарка переписывать то, что я ненавидел

всей душой. Как будто знали, что доставит мне большее мучение! Тогда меня впервые назвали просто лацтианом, не присовокупляя никаких эпитетов.

Рассказ 3. **Расплата и побег**

Теперь я расскажу о том, чем закончились мои мучения.

На исходе третьего месяца мой бывший попечитель объявил, что вскоре меня казнят, ибо демон, что очевидно проник в меня в подземелье, только так может оставить моё «несчастное тело».

«Мы спасаем тебе твою бессмертную душу!» - объяснил, наконец, он причину всех моих мучений. Правда, он забыл объяснить, почему меня назвали лацтианом если так заботились о спасении моей души.

Да, на исходе третьего месяца меня должны были казнить. Меня должны были отвести на живодёрню, и там наставник мясников, исполняющий так же и роль

палача, должен был отрубить мне поочерёдно руки, затем ноги, затем оторвать язык и выколоть глаза, а напоследок, если я к тому времени ещё буду жив, свернуть мне шею. И всё это скормить своре псов, что порой осаждала монастырь в поисках пропитания. Затем, едущих мою плоть псов полагалось облить маслом и поджечь, дабы моя зараза не распространилась за стены монастыря.

Всё это имело какой-то мистический божественный смысл. Ведь только так демон во мне мог быть уничтожен окончательно. В последний день перед казнью настоятель вновь что-то много говорил, кричал в своём углу, а затем опять спросил меня, чего я хочу. Если честно, я хотел спать. Мне дали эту последнюю возможность. Меня отвели в темницу и там, так я был слаб, даже не удосужились закрыть её, видимо полагая, что я и так не убегу. Они были правы. Измождённый, находясь в полубредовом состоянии, сам бы я не сдвинулся с места.

Я уснул и проснулся даже не на следующий день.

Как мне потом объяснили сердобольные селяне, меня привезли, положив на низ воза. А до этого я сутки лежал в норе, что разрыли специально для моего побега, который готовили все эти три месяца. Раслин и Калпет, ставшие послушниками, вырыли эту нору, а хромой Тимин, имевший связи в селении, куда меня привезли, договорился о моём временном пристанище.

Всё же мне опасно было оставаться в селении. Повсюду рыскали соглядатаи монастыря. Я не желал подвергать опасности людей, проявивших ко мне незаслуженное сочувствие. Едва оправившись, я попросил дать мне немного еды и свезти на дорогу, что вела к горному перевалу. Мужик, в доме которого я всё это время провёл, долго недоумевал, но сделал всё, как я велел.

Так я очутился в предгорье. Я знал, что если пойду на северо-запад, то рано или

поздно, самое меньшее через неделю выйду к той лощине, где находится выход из туннеля. Я знал, что мне надо только туда. И не смотря на то, что я был ещё слаб, я твёрдо решил преодолеть этот неимоверно трудный путь. Мужик в последний раз сочувственно и так же недоумённо посмотрел мне вслед. Прощались мы недолго. Я лишь скупо поблагодарил моего спасителя и пошел прочь, не оглядываясь.

Потом, много времени спустя, я долго думал, почему мой, и без того не усыпанный лепестками путь, так обильно полит чужой невинной кровью? Случайно, но соглядатаи монастыря отыскали в овине у доброго селянина мои лохмотья, которые тот просто рассчитывал использовать для каких то своих нужд. Они долго пытали и его, и его молодую жену. Но та знала лишь меня, а мужик не сказал, ни слова, даже тогда, когда ей вспороли распухшее от бремени брюхо. С ним сделали то, что рассчитывали сделать

со мной. Если бы я тогда об этом знал! Как не знал я и о том, что приют немедленно закрыли, невзирая на зиму. А всех детей распустили побираться по окрестным сёлам, где их с удовольствием травили собаками бароны, а в лучшем случае они попались в лапы селянам, которые обошлись с ними куда хуже, чем со мной. Только старших, изрядно выпоров, но ничего от них не добившись, монахи оставили работать на себя, уже не скрывая свои на их счёт помыслы никакими догмами. Рабы – вот их настоящая участь!

Каждый получил то, что заслужил. Лишь я незаслуженно получил свободу. Превозмогая усталость, холод и отрывшиеся раны, не зная сна и покоя, я преодолел извилистые предгорья и к концу шестого дня, очутился в знакомой мне местности. Я был голоден и слаб и, пробираясь в потёмках по сколам вниз лощины, еле дополз до заветного выхода. И только тут я осознал, что выход заперт! Мною! Изнутри! Я сам четыре месяца

назад наглухо запер этот единственный путь к спасению. Неужели настал мой конец и всё, ровным счётом всё, было напрасным?

Я медленно умирал в двух шагах от цели и ничего не мог поделать! От бессилия я тихо застонал. Через некоторое время я почувствовал, как тонкий луч света коснулся моей груди. Просвет в двери стал больше и больше. Затем какое то неясное движение, а за ним – темнеющие на фоне открытой двери, озарённой лампадами, фигуры приблизились ко мне, и поволокли внутрь. Я шёл знакомыми коридорами, поддерживаемый Раслином и Калпетом и вполуха слушал их сбивчивый рассказ о том, как они услышали мой бред о тайном лазе из монастыря, в ту ночь, когда они отнесли моё разбитое тело в нору. Они задались целью найти лаз, и, под предлогом моих поисков, отыскав его, поспешили мне навстречу. Больше они не рассказали мне ничего. Они принесли немного еды и питья, перевязали раны,

переодев меня на всякий случай в монастырскую одежду. Затем они ушли, чтоб не вызывать подозрений у братии. Они обещали прийти, как только смогут. Но я уже в тот момент знал, что меня они не застанут.

Хотя бы здесь я оказался прав! Их раскрыли, но хитрые, как и все северяне, они сумели убедить братию, что всего лишь нашли выход, которым я, несомненно, воспользовался для побега. У лаза имелись свои секреты. Один из них заключался в том, что на поверхность вела пара ложных выходов, видимо использовавшихся при осаде, для вылазок. Я эти выходы не нашёл, но Раслин и Калпет нашли. Так что в их басню поверили.

Я же, более-менее придя в себя, решил, что настала пора пристальней осмотреться. Я знал много больше о лазе, чем мои товарищи. И оставил им послание, в котором рассказал всё, что я знал и о лазе и о тех, кто его проложил.

Понимая, что тайну могут раскрыть, я оставил послание там, где только Калпет и Раслин могли его обнаружить. Сам же я тщательней исследовал закрытые комнаты, пока не обнаружил секрет их замков. Все они могли открыться с одного места, приводимые в движение хитроумными устройствами. В этих комнатах находились склады. Оружие, провиант, масло – словом всё, для очередной защиты. То, что я видел только на картинках, предстало теперь предо мной. Многое уже было испорченным, но кое-что ещё сохранилось, и это кое-что было весьма внушительным и вселило в меня надежду.

Обильная еда и безделье очень быстро сказались на моём здоровье. Я шёл на поправку и через месяц, к началу весны я мог позволить себе совершать недельные прогулки не только по лазу, но и под ногами моих мучителей. И то, что мне никак не удалось сделать полгода назад, совершенно случайно в один прекрасный

день я увидел, просто пройдя, на пять шагов вглубь однообразного перехода из одной секции в другую. Между этими секциями коридоров темнела незамеченная мною ранее дверь. Ведь в прошлый раз я слишком полагался на имевшийся план. Теперь же, отчаяние заставило искать везде, где только можно. И это принесло свои плоды. Дверь была, в самом деле, незаметной, маленькой, и вела узким, по сравнению с другими, коридором, заканчивающимся расширяющейся к низу лестницей. Лестница, в отличие от коридора, освещалась тусклым синеватым светом. Эта-то лестница и вела в огромный зал, где на постаментах возвышались искусно отделанные гранитные или мраморные саркофаги, к которым от постаментов вели пирамидальные ступени. Я понял, что зал предо мною – описанная в книгах усыпальница всадников Предела Северного Ветра. И где то здесь покоится прах Ариомуса. Усыпальница, как и

лестница, светилась переливающимся синеватым светом, непонятно откуда берущимся. Помимо анэстиров здесь лежали и члены их семей и славные воины Лацэта и другие благородные и знаменитые лацтиане.

Впервые за все эти страшные месяцы, утомлённый поисками, я мирно уснул там, куда ноги почти самостоятельно привели меня, где я увидел выбитый в мраморе знакомый бородатый лик. Я спал, не видя снов. Вернее, я видел лишь один сон. Я видел ужасную морду свирепого яса, смотревшего на меня с ненавистью, но без злобы. Яс уже готов был опалить меня своим огненным дыханием, когда гигантский перепончатый коготь с металлическим звоном встал между мною и мордой. И от этого звона я проснулся.

Возможно, я проспал долго. Но встал бодрым и отдохнувшим. Синеватый свет по-прежнему укутывал зал, и все предметы имели странные, нестойкие очертания. Казалось, что усыпальница живёт по

каким-то своим, неведомым законам. На всех саркофагах помимо изображений усопших был выдолблен один и тот же знак – три вихря уносились от центра и заворачивались в спирали. Этот знак, только почти стёртый, я видел и над воротами монастыря. Но тогда я не придал увиденному особого значения. А сейчас я вспомнил, что знак был изображён на плаще Ариомуса и на эфесе его меча, на всех фолиантах, и в том или ином виде везде, где оставались следы моего народа.

Я стремительно поднялся и взошёл по пирамиде к саркофагу, изваяние Ариомуса поражало живостью, но я хотел убедиться в другом. Внутри себя я знал, что настойчивое желание приблизится к могиле вождя анэстиров – это не простое любопытство и даже не требование вещественного подтверждения моих надежд и ожиданий. Нет! Речь шла о чём то ином, более возвышенном, и, вместе с тем, куда более точном, чем просто

надежда. И я, прилагая все свои силы, попытался сдвинуть крышку саркофага. С третьей попытки мне это удалось. Первое, что я увидел – оказался стяг, состоящий из девяти полос: пяти пурпурных и четырёх серебряных. В треугольном основании стяга на чёрном фоне неистово плялсал тот же тройной вихрь. Стяг покрывал нечто, лежащее под ним, я подумал, что это – тело Ариомуса. Однако я ошибся!

Под стягом покоился плащ, а в него были завёрнуты латные доспехи, такие же, как на изображении в книге. Без сомнения, доспехи Ариомуса. Внутри доспехов лежали ножны, в которых покоился изогнутый длинный и тонкий меч с крюком на конце. Когда я его увидел, то на мгновение мне показалось, что чья-то могучая рука жахнула таким вот мечом, рассекая воздух, а заодно и отсекая чью-то голову… Я содрогнулся, но затем, превозмогая трепет, невесть откуда появившийся, я извлёк меч из ножен. Он оказался необычайно лёгким.

Затем мой взор остановился на шлеме, который сейчас был закрыт и напоминал огромный, вытянутый клюв. С одной стороны его венчало перо из хвоста белой птицы, которая не водится в этих местах. Но уже тогда я знал, что такое перо носили анэстиры-арвирны. Анэстиры-кропары[27] предпочитали носить не пышные перья южных птиц, а пару перьев из крыл красногрудых соколов Бакрона. Анэстиры-антаменты[28] носили на своих шлемах три чёрных пера из хвоста большого ворона, водившегося только у берегов Северного моря и Виармара. Все эти три общины анэстиров: арвирны, кропары и антаменты появились во Втором колене.

Я бережно взял шлем и посмотрел в пустые щели для глаз. Когда то, более тысячи лет назад его носит тот, чьё изображение я впервые увидел прошлой зимой здесь, в мрачных стенах монастырской библиотеки. Но теперь мне

---

[27] **кропары** – суаф, *букв. – громовержцы*

[28] **антаменты** – суаф, букв. – *небесные танцоры*

показалось, что это Ариомус Длиннобородый знал обо мне больше, чем я о нём. Иначе как объяснить фразу, что я прочёл у изголовья – «окасо т`оно»[29].

Да, я хотел, что бы эта вещь, как и всё, что лежало в саркофаге, стало моим. Но достоин ли я этого сокровища? И зачем оно мне без?..

Я расстелил плащ, затем аккуратно сложил в него доспехи, знамя и меч. Задвинул крышку саркофага и пошёл прочь. Больше, я это чувствовал, меня здесь ничто не задерживало. Скорее наоборот! Захотелось уйти подальше, захотелось воздуха. Всё же, я оставил двери в коридор, ведущий в зал раскрытыми так, что бы Раслин и Калпет при желании нашли усыпальницу. Я счёл это важным. Вскоре я выбрался из лаза. Впереди меня ждали горы.

Рассказ 4. **Дорога вопросов**

[29] **«окасо т`оно»** - суаф, *букв. – «бери и владей» - церемониальная формула вступления во владения по праву*

А вот теперь пора подойти к самому главному в моём повествовании. Это было странное путешествие! Начнём с того, что по пути до гор мне почти никто не встретился. Но если бы я тщательней готовился и прочёл бы те книги, что мне так и не удалось прочесть, я бы знал, что отроги Бакрона – это не безлюдное место. Издревле здесь селился странный народ. Этот народ пришёл в Бакрон гораздо раньше людских племён, ставших предками лацтиан. Горы таили в себе удивительную тайну, в которую мне лишь предстояло нечаянно заглянуть. Ведь и драконы не просто так поселились в этих местах. Их привела сюда их древняя жажда. Люди же пошли вслед за драконами, как падальщики. Оттого тем, кто жил в горах и те, и другие были ненавистны.

Но древняя вражда прошла. Современникам Ариомуса удалось расположить к себе пещерный народ. Во многом благодаря тому, что анэстиры

второго колена в отличие от их предков, зарились совсем на другие ценности. Напротив, у них с пещерным народом было нечто вроде союза. Оттого южные пришельцы недолюбливали живущих в горах. Но, не имея лацтианской смелости, а так же заботясь о том, что бы потомки анэстиров забыли о прежнем союзе, южане обходили горы стороной, под страхом смерти запрещая это делать и местным.

Всего этого я тогда не знал, а если бы знал, то, прежде всего, принялся бы искать этих самых горцев. И скорее всего, стал бы их пленником. А всё потому, что, сидящие на каменном престоле решили забыть о прошлых союзах. Во многом именно это обстоятельство и сыграло на руку южанам. Те просто объявили, что народец – это горные демоны, которые живьём едят людей. Рано или поздно, любая ложь становиться правдой, особенно если она попала на хорошо удобренную обманом почву.

Вместо, того, что бы быть съеденным, я попал в плен к двум изгоям. Точнее, не в плен, а в западню, которая, возможно и сделала ложь правдой. Воррин[30] и Амбор[31] были выходцами из горных жителей, но за что-то очень уж страшное, они так никогда и не сказали за что, подгорный владыка изгнал братьев во внешние пещеры, что считалось самым страшным наказанием. Проведя много лет в горах, братья освоились, и когда я попал в их силок, предназначенный для горного барана, они очень удивились не столько встречи со мной, сколько тому, что я совсем не боюсь их.

Мне крепко сжало в колодах ноги, но братья не решались близко подойти, потому что я умудрился вовремя вытащить меч Ариомуса и выставил его впереди. По-видимому, братья никогда не видели ничего подобного, но знали об оружии, а потому не спешили на меня напасть. Вообще, этот горный народец

---

[30] **Воррин** – цверг. – *широкая рука*
[31] **Амбор** – цверг. – *большой палец*

туповат, но доблести и напора им не занимать. Позже я в этом не раз убеждался. Они не ушли, видимо сообразив, что я могу воспользоваться их отсутствием, освободиться и удрать. С другой стороны ждать много они не могли. Мне, прежде чем я оказался в их ловушке, удалось перекусить, а у них, я мог бы поклясться, урчало в желудке. Припасов у меня было пока достаточно, могло, правда, не хватить воды… Но я и не рассчитывал провести здесь вечность.

Братья долго на меня косились. Затем, они видимо решили, что с таким огромным ножищем в руках я просто не могу быть бараном, даже главным среди баранов. Один из них плюнул в мою сторону, и, что-то сказав братцу, пошёл вскоре прочь. Второй ещё долго смотрел на меня, но уже вечерело. Сумерки понемногу спускались всё ниже. Подозрительно улыбнувшись, наконец, второй так же удалился.

Едва он скрылся из виду, я попытался освободиться. Тщетно! Я понял, что без посторонней помощи разбить колодки вряд ли удастся.

Что мне делать, я не знал. Пока ночь не спустилась совершенно, я проверил всё снаряжение, затем как можно удобней устроился, накрылся плащом и, сжимая в руке обнажённый меч, попытался уснуть. Сон долго не приходил. Затем, когда это всё же случилось, он показался мне странным. Вначале со мной ничего не происходило. Я просто поднялся и пошёл, ориентируясь по большой звезде в созвездии, именуемом в книгах Аклесато[32]. Я очень хорошо знал эту звезду, ведь она носила имя моей любимой сестры.

Сон продолжался, словно то был вовсе не сон. Но меня поразила та мысль, с какой скоростью я уже не шёл, а летел куда-то в горы, всё выше и выше. Наконец облака остались подо мной, и я посмотрел с этих круч вниз. Ночные горы в свете

---

[32] **Аклесато** – суаф. – *Небесная Арфа - центральное созвездие северного полушария, ярчайшей звездой которого является Тэя (аналог Полярной звезды)*

звёзд! Повсюду сплошные горы. Звёзды ярко пылали, а особенно Тэя. Их свет уже был невыносим, и я повернулся в сторону и услышал шипение, а затем чья-то страшная бородатая голова дыхнула на меня…

И я проснулся! Передо мной стояли те двое, глядя в упор. Когда я открыл глаза, их глаза округлились, и они отшатнулись. Я закричал, пытаясь выхватить меч, они отпрянули ещё больше и заорали в ответ. Сколько так продолжалось, и кто окончил ор первым, я уже не помню, помню только, что один из них всё время косился на мой плащ, указывая на него короткой толстоватой рукой.

Второй, тот, что указывал на плащ, кричал дольше, чем я и его брат. Наконец, когда мы прекратили ор, Воррин толкнул брата в мою сторону. Тот полетел на камни, но кошкой вскочил и зло посмотрел на брата.

«Амбор!» - услышал я. И Воррин что-то сказал брату. Тот подошёл ко мне,

нагнулся и одним движением ловко снял замок с колодок. Их речь была резкой и гортанной, и говорили они хрипло. Знаками они предложили мне следовать за собой. При этом Амбор вытащил, нечто, напоминавшее одновременно большую кость и дубину и аккуратно положил передо мной. Я понял этот знак и вложил меч в ножны. Тогда то же, что и брат, сделал Воррин. Я кивнул и попытался встать. Резкая боль свела мышцы щиколоток и не дала мне сделать и шагу. Я застонал, Амбор немедленно предложил мне своё плечо, и так мы доковыляли до их убежища.

Я провёл в их пещере достаточно времени, чтобы понемногу понимать, о чём они говорят. Со своей стороны я попытался донести до братьев то, зачем я оказался в горах. Мне пришла в голову мысль о том, что они, знавшие горы более чем кто другой, могли бы помочь мне в поисках. Главным оставалось выяснить – а что же нужно в горах мне? До сих пор я

смутно понимал причину, побудившую меня отправиться так далеко в неизвестность. А потому целью было скорее не дойти до нужного места назначения, а подняться как можно выше.

Цверги[33], возможно, тупы, но не настолько, чтобы не извлечь из любого, самого безумного на первый взгляд, предприятия хотя бы малой выгоды. По мере того, как я сбивчиво, с помощью наскальных рисунков, объяснял им, куда мне надо, их маленькие, живые, голубые глазки загорались светом, излучавшим самую странную смесь чувств. Здесь была и жажда приключений, и алчность, и страх, и честолюбие желающих прославится любой ценой и много чего ещё. Я не понимал тогда, почему они так быстро поменяли ко мне отношение. Только вот Амбор подозрительно косился на мой плащ.

---

[33] **цверги** – народ, ставший ненадолго доминирующим в Дэе после разгрома адоратов и почти полного исчезновения альвов. Только пробуждение драконов и приход людей сломили могущество цвергов и загнали их в горы. С тех пор цверги называются пещерным народом.

Не прошло и месяца со дня, когда я в первый раз увидел их, как однажды ранним утром мы покинули пещеру и направились в горы. Братья уверенно вели меня всё дальше и дальше, пока, наконец, мы не достигли таких пиков, которые, словно гигантские исполины вросли в купол неба. Здесь покоилось сердце Бакрона. Из книг я знал, что одна из вершин в это части Бакрона называется Вея-Тудмнонэ[34]. Однако осознание того, что я направляюсь именно к ней, пришло ко мне в тот миг, когда выйдя вслед за Амбором из очередного ущелья, я увидел, как мне показалось, именно её. Она сверкала великолепием своих многочисленных, ослепительно-белых корон, как настоящая высокая владычица.

Влекомый Воррином, я спустился в небольшую каменистую лощину, которая уходила в темноту. Это было наше последнее пристанище перед восхождением на Вею. Всю последнюю

[34] **Вея-Тудмнонэ** – суаф. - *Долгая-Добрая Дарительница*

ночь ветер, завывающий в лощине, и предвкушение долгожданной встречи, не давали мне уснуть. До самой полуночи я пытался понять, что же мне нужно найти на этой прекрасной вершине? И зачем я тащу с собой доспехи Ариомуса? И почему эти двое сопровождают меня? Что будет потом, меня как то мало волновало. Важным казалось, что будет сейчас.

Всё же я, сморённый усталостью, уснул. Вновь мне виделся сон, как будто я стою на том же карнизе. Но теперь смотрю не вверх, а вниз. Там, меж облаков, темнеют горы. Но вот облака, понукаемые ветром-пастухом, унеслись, как горная отара. Ущелья и возвышенности обнажились, и в ярком свете, скорее уже не звёзд, я увидел три тёмные точки, упорно ползущие на вершину туда, откуда я смотрел на них. Коварство ночи их не остановило, как впрочем, и то, что до моего карниза им ещё идти и идти. Перед ним возвышался почти отвесный склон Веи. Сам карниз – удобная площадка для взмаха крыльев…

Я проснулся. Нечто странное показалось мне, словно гигантская тень пронеслась над лощиной. Стояло ранее утро. Амбор ещё спал. А его брат, похоже, готовил завтрак, пытаясь раздуть тлеющий костерок. Он, конечно же, ничего подозрительного не приметил. Да и вряд ли я бы объяснил ему свои опасения. Меж тем, Воррин обернулся в мою сторону. Он указал мне на мешок, в котором лежала провизия, предлагая, что бы я ему помог. Ну, раз уж я встал!..

Мы быстро приготовили завтрак и растолкали Амбора. Тот встал недовольный и долго отказывался открыть глаза, пока не получил от брата оплеуху. Я заметил, несмотря на общую похожесть, Амбора всё же можно было отличить от его брата. Вот хотя бы потому, что Воррин любил вставать рано утром, а Амбор – поздно засыпал.

Я доел свою порцию тогда, когда юркий Воррин уже засыпал снегом костерок и собирал скарб, который прошлой ночью

извлёк из мешков Амбор. Затем мы подсобрались, проверили приспособления для подъёма в гору и выдвинулись. Всё, что произошло с этого времени, можно смело называть одной большой неожиданностью. Хотя, признаюсь честно, после моих странных снов, я ожидал всего, что угодно. Даже то, что я до сих пор в Силедорне, сплю на своём матраце в конюшне, а всё, что со мной сейчас происходит, не более чем один большой сон. Завтра я проснусь и расскажу о нём попечителю…

Рассказ 5. **Ожидаемая неожиданность**

В то, что я сейчас расскажу, я сам бы, если бы не был главным действующим лицом этого рассказа, ни за-чтобы не поверил. И вот почему!

Едва мы поднялись из лощины, нас захлестнул жёсткий порыв ветра, чуть не прибив к скалам. Балансируя между острых осколков породы, ослепляющего

глаза наста и темнеющих расщелин, в полдень мы вышли к огромному щиту, преграждавшему нам путь вверх. Братья живо вытащили верхолазные снасти и принялись долбить камень. Сделав из крючьев подобие лестницы, Амбор влез на неё и, уцепившись за что-то вверху, подтянулся, встав на первый уступ. За ним должен был подниматься я. Воррин шёл отдельно, так что на мне был весь вес. Медленно мы продвигались вверх по щиту, цепляясь за любой выступ. Братья знали толк в скалолазании, и я полностью доверился им. Лишь раз Амбор поскользнулся на узком, крошащемся уступе. Он сиганул вниз и я всеми жилами почувствовал, как же могут быть тяжелы цверги. Я держал, сколь было сил, пока Абор чуть ли не по мне вскарабкался вверх и вбил крюк в скалу. Наконец, втроём мы оказались на широком уступе, от короткого вверх шла тропа, незаметная снизу.

Мы решили передохнуть и подкрепиться. Путь вверх ещё преграждал щит, но больше половины пути мы уже прошли. Воррин решил в одиночку исследовать предстоящий маршрут, оставив нас с Амбором разбирать и перебирать сбившиеся вещи. Он вернулся с явно неутешительными новостями. Из его объяснений следовало, что в пятидесяти шагах тропа обрывается в пропасть, а над ней возвышается плотный монолит. Между тем крепчал ветер, поднявший из лощин облака так, что вскоре мы оказались в плотном ватном тумане.

О том, что бы взбираться в таких условиях вверх, нечего было и думать. Не сговариваясь, мы решили переждать, пока ветер утихнет. Но буря только усилилась, и к вечеру карниз продувался так, что если бы мы заранее не вбили крюки и не зацепились, нас бы точно сдуло. Начавшаяся ночь не принесла облегчения, порывы ветра всё усиливались, каждый из

них хлестал нас так, что казалось душа, вырвется из тела и унесётся в небо. Шум порывов хлестал наши уши, а снег залепил глаза и рукава.

Но вот всё стихло. Мы не сразу это поняли, но когда открыли, наконец, глаза, то зажмурили их снова. Ослепительный снег, лежавший на пиках, сверкал бриллиантами, сливаясь с сиянием огромных звёзд. Тяжёлые ночные тени почти исчезли, в этом свете и всё было видно так, что казалось, наступил полдень. Мы переглянулись. Затем отряхнулись и освободились от собственных оков. Осторожно ступая по свежей засыпи, мы продвинулись к Ворринову монолиту. Здесь предстоял самый трудный подъём. И он начался!

Шаг за шагом мы преодолевали Ворринов монолит, стараясь не спешить, но меж тем каждый из нас ощущал в себе щемящее желание как можно быстрее добраться то темнеющей точки очередного уступа. И вот долгожданный

миг настал. Амбор поднялся вверх и торжествующе помахал мне. Я улыбнулся и посмотрел вниз, на Воррина. Когда же я вновь поднял голову, Амбора на уступе не оказалось. Вначале я не придал этому значения. Однако то, что Амбора не было видно, по-видимому, обеспокоило Воррина. Тот дёрнул за верёвку, требуя, что бы я ускорил подъём. Я постарался как можно быстрее достичь вершины. Я поднялся, но никто мне не помог вскарабкаться на уступ. Тогда я перевалил тяжёлые мешки, на всякий случай, оставив ножны при себе. Затем, поднатужившись, выбрался на уступ.

Уступ оказался широким карнизом, заканчивающимся входом в пещеру. Но не это обстоятельство заставило меня застыть изваянием, не обращая внимания на дёргание верёвок снизу. Медленно, очень медленно, я поднял левую руку к плечу и ухватился за эфес меча.

«Не стоит!» - послышалось откуда-то внутри меня. – «Опусти руку, иначе мне

придётся применить иные способы убеждения»

Я так же медленно опустил руку.

«Помоги своему товарищу», - вновь послышалось внутри. – «Я не причиню вреда» - заверил голос.

Только теперь я отвёл взгляд и принялся медленно вытаскивать Воррина. Тот, рыча и ругаясь, взобрался с моей помощью на карниз и толкнул меня так, что я чуть не потерял равновесие. В этот миг раздался его дикий возглас. Правда, он почти мгновенно затих. Воррин рухнул на колени, так, что казалось, что его, что-то подкосило. Только теперь я заметил, что и Амбор стоит немой в такой же позе, почти рядом с нами. И только я, справившись с равновесием, стоял и смотрел на самое поразительное создание Дэи. Передо мной был тот, кого я даже не думал увидеть. Тот, кого увидеть я мечтал лишь в самых смелых своих грёзах. Тот, кто самим своим существованием делал явью старую-старую сказку, что я прочёл в приметной

первой книге. Надо мною возвышался дракон.

«Ясного неба тебе, потомок Ариомуса Длиннобородого!» - я не сразу понял смысл слов, когда же до меня дошло сказанное, я ухватился за голову и впервые опустил глаза. Я – потомок Ариомуса Длиннобородого!

«Этого не может быть!» - воскликнул я.

«Это так!» - дракон кивнул. И голос во мне продолжил. – «Это так, хотя бы потому, что никому на свете я, Урпран[35] р`Урдор, вожак Арвирна, не доверил бы нести ламму[36] моего всадника»

«Ты – яс Ариомуса Виартэна!» - догадался я.

«Да, - усмехнулся во мне Урпран, - Ариомус Виартэн – мой всадник. А ты – его потомок. Не единственный, но, как оказалось, самый подходящий… Пошли!»

Дракон развернулся. Затем я вновь услышал голос:

---

[35] **Урпран** – суаф - *премудрый*

[36] **ламма** – суаф, *букв. – основа крюка,* длинный крюкообразный обычно двуручный меч, который используют при абордаже, а так же излюбленное оружие небесных всадников

«Свяжи своих приятелей, иначе они разбредутся кто куда. И не бойся за них. Здесь им никто не причинит вреда, если они сами того не заслужат. Пока они делали всё правильно, и то, на что они надеются, их уже ждёт»

Я сделал так, как велел дракон и последовал за ним. Путь в пещеру вначале был тёмен, однако по мере того, как мы спускались всё глубже и глубже, я вновь, скорее ощутил, чем увидел, знакомое синеватое свечение.

«Ты уже видел подобное, - удовлетворённо проговорил дракон. – Да, это – невидимые свечи холодного огня, добытые много веков назад. Видимо, усыпальница Ариомуса до сих пор полна ими»

«А они сгорают?!» - машинально спросил я.

«Как и всё в этом мире», - ответил голос.

«На самом деле в холодных пещерах Веи и Хиркатиса живут маленькие паучки, которые плетут тенёта, светящиеся таким

вот светом. Где тенёт больше, там светлее, где меньше – темнее. На свет слетаются все, кто питается тенётами, а паучки меж тем питаются ими»

Дракон вновь усмехнулся.

«А что такое – ламма?» - спросил вдруг я.

«Что, в твоих книжках про это не написано?» - удивился дракон. – «Впрочем, в моё время, это было видимо настолько очевидно, что не было нужды писать об этом… Ламма – это длинный тонкий, скрюченный у конца меч, что ты носишь за собой. Ламма Виартэна – это особый ламма, выкованный альвами Лендониса[37] много веков назад и подаренный деду Ариомуса, Варту Бермелку в знак дружбы между всадниками и альвами. Альвы запечатлели в Лёйруне[38] мощные чары, так, что одного его взмаха достаточно, что бы насмерть поразить любого, кто стоит на длине его лезвия»

---

[37] **Лендонис** – суаф – *Защищённая, спокойная долина*

[38] **Лёйрун** – суаф - *холодное перо*

«Лёйрун» - я ощутил дрожь по телу, когда сказал это слово.

«Ты тоже почувствовал?!» - воскликнул дракон. – «Этот меч не любит, когда слишком часто произносят его имя. Но если ты сумеешь убедить его в том, что ты – такой же хороший хозяин, как, к примеру, Ариомус, то он не потеряется, даже если ты намеренно скинешь его с моего карниза. Он верен как собака!»

Я снова почувствовал насмешку.

«Впрочем, - предупредил голос. – Не все в семье Бермелков смогли совладать с его нравом. Гимут, сын Ариомуса, мне помниться, так ни разу к нему не прикоснулся. Он больше доверял копью своего деда, отца Ариомуса, Витгера Кацэрвета[39]. Тот настолько любил своё чёрное копьё, что даже прозвище получил в его честь. Я не видел, как Гимут пал, но что-то мне кажется, это случилось от того, что враги сломали-таки его копьё»

---

[39] **Витгер Кацэрвет** – суаф – *слава отца, чёрное копьё*

«Я не видел могилы Гимута. И не знаю, где она»

«Враги сожгли его тело, а прах развеяли по ветру»

«А куда же девался его дракон?»

Впервые, с начала пути Урпран резко повернулся ко мне и заглянул в глаза. Я отпрянул.

«Нет! Это не насмешка, – наконец заговорил он. - Я стал стар, и к тому же давно не разговаривал с хумантами»

Дракон вновь развернулся и пошёл дальше.

«Мой сын Эдрун[40] был так же сожжён вместе со своим всадником. Враги милостиво исполнили просьбу твоего предка. Правда, его сожгли уже после смерти Гимута. Заживо!.. Мы пришли!»

Мы вошли в огромную, светлую пещеру, с углублением в центре и небольшим возвышением в дальнем углу. Возвышение это было не чем иным, как насыпью, представлявшую собой свалку мерцающих

---

[40] **Эдрун** – суаф - *серебряное перо*

камней. Сокровища дракона! Их было бессчётное количество.

«Твои друзья могут забрать столько камней, сколько поместится в их вещевых мешках» - сообщил Урпран. – «Они – не хуманты. Это хумантов можно заставить забыть дорогу куда угодно! Хумантова память коротка, а кэрлы[41] будут помнить всё так, будто они сходили сюда недавно, хотя могут пройти десятилетия. А потому скажи им, что бы они и не думали впредь, что когда-нибудь ещё пущу этих воришек в своё логово»

Я кивнул. Признаться, свет камней и меня заставил немного лишиться равновесия. Но я быстро взял себя в руки.

«Но мне ты ведь хочешь показать нечто иное?» - спросил я с надеждой.

«Да» - коротко ответил Урпран.

Он подошёл к углублению в центре. Я последовал за ним. Там внизу, посреди огромной ямы, заполненной какой-то

[41] **Кэрлы** – цверги на языке нечеловеческих рас

маслянистой жижей, плавало несколько десятков ярко белых, шаров.

«Их здесь гораздо больше» - сообщил Урпран. – «Пятьдесят два. И скоро они начнут вылупляться. Это дети Леттэи и Эдруна»

Я услышал тяжёлый вздох. Это были драконьи яйца, а Урпран – были одновременно их стражем и нянькой. Я посмотрел на дракона.

«Так вот почему ты жив?!» - догадался я.

«Да» - кивнул старый дракон. – «Твоё появление – это знак их рождения и моей смерти»

Он вновь вздохнул. Затем прошёл к насыпи и улёгся на неё, поджав голову под крыло. Только огромные радужные глаза пристально смотрели на меня.

«Здесь я скоро умру, но прежде, чем это случится, ты должен пройти туда и вернуться или…»

Он замолк.

«Что меня там ожидает?» - я приготовился в худшему.

«Твоя судьба, дружок, твоя судьба» - сказал дракон и закрыл глаза.

Рассказ 6. **Моя судьба**

Это уже не похоже на повесть, а скорее на сказ о том, как остаться самим собой там, где ты – это лишь еда для чудовища.

«Ну и кто из вас – МОЯ СУДЬБА?» - усмехнувшись, спросил я, даже не пытаясь достать ламму, глядя, как три молодых голодных, но прекрасных чудовища подходят ко мне, совершенно не скрывая своих намерений. Ярко красные гребни у двоих выдавали самцов, переливчатый у того, что подходило с правого края, - самку. Тот, что посредине, угрожающе рыкнул. Но именно он, как мне показалось, испытывал больший страх, чем его брат и сестра. Я посмотрел на того, что подходил слева и понял, что именно этот нападёт первым.

«Что ж, теперь можно вытащить Лёйрун!»

Я не заметил, что сказал это вслух, как и не заметил того, что на сей раз я не испытал озноба. Зато драконы, кажется, его ощутили. Они остановились и посмотрели на мой клинок. Наконец тот, что слева первым унял дрожь и, очертя голову, кинулся прямо на лезвие. Чёрная струйка, похожая на ту маслянистую жидкость, в которой плавали яйца, брызнула на меня, обжигая. Я отпрянул, но дракон задел меня когтем передних лапы. Алый след, а за ним хлынувший из раны поток крови. Я не выдержал давления и упал. В этот миг струя моей крови соединилась с тёмной кровью дракона.

«Довольно!» - послышался властный крик Урпрана из основной пещеры, откуда я пришёл. Но крик не заглушил вопль раненого дракона. В тот же миг и я почувствовал нестерпимую боль и опустил рукоять ламмы. Я упал и потерял от боли сознание.

«Так вот ты какой, Эмадрэкс?» - только и подумал я.

Когда же я пришёл в себя, Эмадрэкс слизывал последние остатки нашей недолгой битвы. Два других дракона стояли поодаль и недоверчиво посматривали на меня. Я встал. Боль ушла, и от чего-то стало легко дышать. Я попытался поднять ламму, выйти, но Эмадрэкс преградил мне путь.

«Я не собираюсь причинять тебе больше боль!» - ответил я.

«Не мне, - вновь услышал я голос внутри себя, но это был другой голос, голос, который с тех пор я слышу очень часто. Это был голос МОЕГО дракона. – Поклянись, что ты не причинишь вред моему брату и сестре. Особенно брату, он слишком слаб»

«Я никому здесь не собираюсь вредить» - сказал я и уверенно нагнулся за ламмой. Затем мы вместе вошли под свод большого логова.

«Эмадрэкс и я выбрали друг друга!» - сообщил я Урпрану.

«Эмадрэкс?!» - задумчиво молвил старый дракон. – «Что ж, подходящее имя. Когда он вылупился, я думал, что он мёртв, как и пятеро других его братьев и сестёр. В гневе на самого себя я тогда отшвырнул его подальше, чтобы не видеть своего позора. Но он пискнул, и тогда я подумал, что всё не так уж и плохо и что судьба всё же благосклонна ко мне. Теперь Эмадрэкс твой яс, а ты, Беллинт – его всадник. Я должен был это сказать вместе с тайном Арвирна, но, похоже, ни одного анэстира, кроме тебя больше нет. Да и тебе предстоит многому научиться, прежде чем ты приведёшь в эту пещеру своих друзей. Его брату и сестре тоже нужны всадники, а один Эмадрэкс не вытащит все яйца на поверхность… К тому же, ведь у тебя есть свои соображения, а, лацтианин?»

Я склонил голову, снова почувствовав в его словах усмешку.

«Не стесняйся своих желаний, Беллинт, всадник Эмадрэкса. И не стыдись их! По крайней мере, твоё намерение возродить Лацэт много лучше, чем жажда славы и власти моего всадника. Ариомус Виартэн был великим анэстиром, но он был тираном! Не забывай об этом, анэстир Беллинт. Мы совершили много подвигов, но так же сделали много зла. Мы захватили и владели всеми десятью городами Великого Пути, каждый тракт на этом Пути омыт реками людской крови и слёз, что проливали, проклиная наши имена. И потому мне некому мстить за своего сына. Ни один южанин не виноват в том, что просто хотел стереть с лица земли даже память о тех, кто многие века делал его рабом.

Но так же и верно, что память убить нельзя! И Страна Башен должна возродиться из небытия, и ты должен отстроить наше родовое гнездо и водрузить над Талумсимом стяг, что прячешь в доспехах Ариомуса. Да,

Беллинт, это твой долг, и Эмадрэкс поможет тебе или умрёт с тобой вместе. Потому что когда умру я, уже никто не сможет сохранить яйца. А яйца появляются у драконий только в башнях Силы. Так что через месяц, когда твой дракон окрепнет и в полёте сможет вынести тебя, закованного в доспех, ты покажешь ему место, где он был зачат, а заодно и приведёшь всадников для его сестры и брата»

Мы провели в пещере Урпрана ровно столько, что бы я научился всему, что требуется от всадника. Конечно, самые главные уроки ждали меня впереди, но старый дракон давал такие советы и указания, которые я больше нигде не смог бы получить. В его глубокой памяти скопились едва ли не все приёмы и уловки, применяемые анэстирами и ясами.

Конечно же, будь иные условия, до всего до этого мне пришлось бы доходить едва ли не самому. Но Урпран спешил, словно

и впрямь уверовав в свою близкую кончину.

«Дракон – это не кобыла, которую ты можешь пришпорить, - наставлял меня Урпран. – Он не позволит делать ничего, что, по его мнению, не согласуется с его представлениями о жизни и смерти. У нас, драконов, тоже есть свой кодекс поведения и принципы, которые мы стараемся соблюдать. Именно поэтому мы всегда были верны Договору. По любому поводу ты обязан советоваться с Эмадрэксом, а в некоторых случаях беспрекословно подчиняться ему. Драконы обладают силой внушения, но мы никогда не применяем эту силу на всадниках. Ни на своих, ни на чужих! Да ты и сам в этом убедился! И всё же ты должен помнить одну важную истину, Беллинт. Эмадрэкс – не твоя рабочая скотина или домашний пёс. Он – твой единомышленник, твой напарник, и, насколько это возможно, самое близкое существо, которое отвечает и хранит тебя в той же мере, в какой ты

делаешь это по отношению к нему. Нам, драконам, нет дела до ваших людских страстей: власть, слава, богатство – всё это сор в наших глазах. Но наши предпочтения иногда не менее опасны для вас. И ты должен научиться быть снисходителен к этому»

«Ты имеешь ввиду ваше…» - я указал на груду драгоценных камней.

«И это тоже!» - усмехнулся старый дракон. – «Но накопительство, которым мы занимаемся – это не жажда богатства, ибо оно не преследует наживы. Нет! Мы ведь не помещаем наши ценности в рост. Просто груда сваленного добра для нас, драконов – важна как факт нашего превосходства. Мы – самый прекрасный из всех народов, что когда-либо населяли, и будут ещё населять Дэю. Это не наши капиталы, а наше ложе, на котором мы спим. Да-да, мы спим на вещественном доказательстве нашего превосходства. Тебе этого не понять, так же, как мне не понять того, зачем ты стремишься к власти»

«Я не стремлюсь к власти!» - возразил я.

«Нет! Стремишься!» - утвердительно рявкнул он. – «Иначе бы ни пришёл сюда! Знаешь, почему я тебя выбрал? Ведь у меня был и другой претендент…»

«Почему?!»

«Потому что только ты захотел не просто познать историю твоего племени, но восстановить его, - ответил Урпран. - А это можно сделать, лишь имея внутри себя способность управлять и желание властвовать. Другой не владел ни этой способностью, ни этим желанием, а потому я назначил ему другую роль, которую он с блеском исполнил, за что будет вознаграждён тобой от моего имени. Знай же! Я лежу на груде драгоценностей, но это не мои богатства! Это ложе делили мой сын со своей супругой, царственной Леттэей[42]. Моя пещера очень далеко отсюда и туда я больше не вернусь. Я подарю её моему потомку, который окажется самым достойным из всего этого

[42] **Леттэя** – суаф – *последняя тень*, игра слов, можно перевести, как «последнее, что видишь перед смерть», либо как «внезапный роковой удар»

выводка. Не факт, что это будет Эмадрэкс. Хотя, стоит признаться, он открыл свой счёт, когда ранил тебя, и позволил тебе себя убить. Между прочим, обе раны были смертельны, ведь в него вонзился ТВОЙ ламма. Коготь же дракона, особенно подростка, содержит в себе яд, который можно излечить лишь кровью поразившего тебя дракона или слезой огненной серогрудки. Запомни это!»

Я кивнул. И усмехнулся. Старый дракон сузил глаза.

«Вот почему ты позволил моим проводникам взять с собой камни!» - весело сказал я.

Тот гулко рассмеялся.

«Да уж, свою перину я бы не позволил растрепать никому!» - заметил дракон и задумчиво молвил. – «Леттэя была истинной благородной дамой, настоящей принцессой! А оттого очень избирательной и щепетильной. Ещё девой её привлекал блеск лишь одной драгоценности, и она поставила

претендентам на её спину только одно, но очень тяжёлое условие. Я не знаю, сколько пещер благородная Леттэя излазила, но только здесь она нашла груду бриллиантов, достойную её. Да, именно! Всё это – не алмазы, а бриллианты, адаманты, карбункулы... Созданные горами и отшлифованные хумантами и кэрлами. Поверь! Я не знаю, на какие преступления с вашей точки зрения отважился мой сын, что бы доставить своей возлюбленной это наслаждение, но факт налицо. Кстати, когда-нибудь и тебе придётся придумать способ, что бы удовлетворить условия возлюбленной Эмадрэкса. Да-да! Именно тебе, так что вот тебе твоя часть выполнения условия. Дракон не должен думать о таком пустяке, об этом должен позаботиться всадник. Ты выберешь способ, а Эмадрэкс его осуществит…»

За этими разговорами прошел срок, отпущенный Урпраном для того, что бы Эмадрэкс и его сестра и брат окрепли. Всё

это время цверги послушно таскали для ненасытных драконьих утроб дичь. Они были во власти чар старого дракона, который не стеснялся использовать братьев по полной мере. В конце концов, он пообещал неплохо оплатить их труд. Ну, с его точки зрения. Когда срок приблизился, Урпран объявил мне, что все драгоценности, найденные в пещере, я могу использовать для нужд восстановления Лацэта.

Мне так же будет доверен очень важный документ, который имели право носить в специальном хранилище только вожди стай. Эта хранилище, в виде кистеня передавалась как символ власти тайна. И в древности таких кистеня было всего три, по числу стай. В них скрывалась одна и та же карта всех укрывищь драконов Лацэта. Так же, как все драконы обладали полной властью над башнями Силы.

«Что это за башни и для чего они нужны, ты со временем поймёшь!» - пообещал старый дракон. – «Но твоя

первая задача после того, как ты установишь стяг над Талумсимом – во что бы то ни стало отстроить эти башни заново. Ты знаешь, где стояла одна из них. Где должны стоять остальные знают только драконы, и ты должен ставить их только там, где они укажут…

Кстати, - продолжил он. – Несколько башен до сих пор стоят нетронутыми, там, за Бакроном, где расположены западные государства, которые некогда были нашими союзниками. И за горами Юнольта[43] тоже есть пара башен. Жители крайнего востока никогда не были нами завоёваны, хотя мы и пытались это сделать, но они стойко сражались. Тогда Ариомус и другие тайны заключили с их государями договор, предусматривающий, что на их земле будут установлены две башни, но впредь ни один анэстир не нападёт на эти страны. Мы были верны договору, и у них нет причин отказать,

[43] **Юнольт** – суаф – *Восточный Рог* – гористый полуостров на северо-востоке континента о котором во все временя ходили мрачные легенды

если нам понадобиться использовать эти башни в своих целях»

Однажды, ранним утром он призвал меня.

«Ты готов! Даже если ты не чувствуешь этого. Я – нянька им, но не тебе. Сегодня ты облачишься в доспех, затем возьмёшь, лежащий в восточном коридоре ожерелье, оденешь его на Эмадрэкса и полетишь к Урдону. За проводников не бойся, я отпущу их сразу, как только вы улетите»

«А если Эмадрэкс не выдержит, он же не умеет летать?!»

«Он что, птенец, что бы учиться летать?!» - взревел Урпран. – «Он – яс. Крылья его подросли достаточно, что бы удержаться в потоке. Всё остальное, у него в крови. Теперь ступай и принеси моё ожерелье»

Я выполнил последнее распоряжение старого дракона, переоделся и принёс тёмный, кожаный пояс, к центру которого было приторочено нечто напоминающее несколько сцепленных друг с другом

ремней со вставками для каких то приспособлений. Там же были приделаны три щитообразных пластины, двое с изображениями, которые я уже видел, а одно с белым полем. Пояс был прост, как и ремни и имел две больших застёжки. От него так же исходили ещё две, как бы помочи, заканчивающиеся поясом поменьше, что отдалённо напоминало ошейник. Вот этот ошейник был на самом деле богат. Искусно вправленные огромные рубины в жемчужном обрамлении, утопали в россыпи бриллиантов и кантами из изумрудов и топазов.

«Нравится?!» - удовлетворённо хмыкнул Урпран и повернулся в сторону выходящего из своего логова Эмадрэкса. – «Что ж, настал твой черёд носить дедово ожерелье. Ариомус заказал его в тот год, кажется, Рыжей Собаки, когда мы взяли первый из городов Великого Пути, – мечтательно сообщил старый дракон, похоже, это воспоминание доставило ему

немало удовольствия. – На ожерелье десять рубинов и оно так и названо: Астанья[44], что значит дестятиградие. Их правители были обязаны прислать каждый по такому рубину для того, что бы кэрлы Южного Бакрона изготовили это чудо. И они выполнили заказ, но как все талантливые, но алчные кэрлы, они отказались отдать мне ожерелье, взамен предлагая работать на Ариомуса сто лет. Глупцы! Они без того работали на нас! Ведь мы заказывали им всё, что имело хоть какую то маломальскую ценность. Хуманты могут лишь искусно огранить камни, но только кэрлы, увы, понимают, как сделать из камней настоящее произведение искусства. Да!

Я, конечно, был безмерно зол и заявил Ариомусу, что если мы не накажем негодяев, то он – трус и ротозей. Впрочем, я зря петушился. Твой предок ведь не отличался снисходительным нравом, как и щепетильностью. Что ты?! Он поднял за

[44] **Астанья** – суаф – *десятиградие*, игра слов, таф – суаф - *рубин*

собой всю стаю и выжег в поисках Астаньи весь Южный Бакрон, пока корольки кэрлов на своих спинах не приволокли это чудо. И, кстати, в наказание, они потом сто лет бесплатно проработали на нас»

Эмадрэкс рассмеялся. В это время я пытался зацепить одну из застёжек на специально оголённом им участке кожи.

«Смейся-смейся, щенок! – добродушно молвил старый дракон. – «Тебе ещё предстоит свершить свои подвиги, и благодари судьбу, что бы на твою жизнь пришлась хотя бы десятая доля того, что свершил я»

«Готово!» - только и успел воскликнуть я, как был буквально подцеплен когтём моего дракона и сполз по его правому крылу прямиком к ременному креслу.

«Теперь возьми белую пластину и одень её» - повелел Урпран. – Это – твой щит, на котором пока ничего не изображено, но это не долго. Очень скоро белая краска спадёт и все узнают кто ты, и как тебя величать. А теперь, Эмадрэкс, если на счёт

три ты не вылетишь отсюда, я спалю тебя ко всем демонам Эплуда[45]. Раз…»

Я едва успел застегнуть последнюю застёжку и приторочить ножны ламмы к нужному сцеплению. Эмадрэкс развернулся и помчался прочь. Позади послышался громоподобный голос Урпрана «Два!». В этот миг зал скрылся из виду, но до карниза оставалось ещё далеко. Я побледнел, впервые серьёзно испугавшись.

«Ты тоже боишься?!» - слышал я голос Эмадрэкса.

«Д-да» - внешне я лишь кивнул, и тот час попытался себя успокоить. – «Вдвоём бояться веселее»

Ответа моего дракона я не расслышал, потому что скорее внутри, чем снаружи раздалось роковое «Три!», и тот час невиданная сила начала затягивать нас обратно. Седельные ремни натужно заскрипели. Я едва держался, заметив, однако, что мы почти достигли выхода из

[45] **Эплуд** – суаф - *ад*

пещеры. В следующее мгновение необычайная тишина, словно вестница бури, окутала нас. Эмадрэкс выскочил на карниз, поднялся на дыбы и расправил крылья. Я лишь инстинктивно ухватился обеими руками за передние ремни. А сзади уже дыхнул в спину нестерпимый жар и послышался гулкий свистящий звук. Эмадрэкс спрыгнул с карниза, и едва мы оказались ниже гранитного щита, как мощная струя всепожирающего пламени вырвалась из недр пещеры, опалив окрестности. Драконы и в мелочах верны своему слову.

Рассказ 7. **Первая удача и неудача**

Наверное, не рассказать этого, было бы непростительно с моей стороны по отношению к Эмадрэксу, по-настоящему самому близкому мне существу. А потому, прежде чем приступить к основному повествованию, я отвлекусь на маленькое добавление.

А именно. Едва мы поравнялись с низом гранитного щита, как мой дракон поймал воздушный поток и устремился вверх. Меня вновь обдало жаром от приближающегося всполоха, но это длилось доли мгновенья. Между тем Эмадрэкс сделал почётный круг над Веей и, спустившись на уровень карниза, вобрал в себя холодный ночной воздух. Я почувствовал, как мышцы дракона сжались, а по телу пробежала дрожь. Чешуя вздыбилась, рога едва не пронзили меня, когда голова откинулась назад. Но так же быстро дракон, разинув пасть, направил голову вперёд и со всей мощью выпустил струю огня.

«Это тебе мой привет, старый ворчун!» - услышал я голос Эмадрэкса. В ответ раздался раскатистый хохот.

«Я тебе поплююсь!» - весело пригрозил Урпран. – «Ну, ка вы, бездельники, наподдайте братцу, а не то я спалю вас прямо в ваших кроватках»

Услышав это, мой дракон устремился прочь от логова.

«Брата я не боюсь, он по-прежнему ещё слишком слаб, - объяснил свой поступок Эмадрэкс. - А вот сестрица, по-моему, дышит огнём мощнее меня. Хотя она менее маневренна и быстра, так что мы всегда сумеем сбежать от неё, если что»

«Ты что же и впрямь считаешь, что они попытаются выполнить приказ Урпрана?» - удивился я.

«Ну конечно!» - кивнул Эмадрэкс. – «Пока у них нет всадников, они будут делать всё, что говорит старикан. По правде говоря, я выбрал тебя, что бы отвязаться от его нудных наставлений. Хотя, признаюсь, было страшно, когда ты нанизал меня на свой ламму»

«И на этом спасибо» - я закрыл глаза. Вот ведь, дожил: дракон признаётся, что выбрал меня только для того, что бы отвязаться от наставлений своего деда.

Вскоре я услышал один за другим два раскатных шлепка и понял, что драконы

выбрались из логова и впрямь преследуют нас.

«Конечно, они попытаются напасть на меня. Ведь их гложет досада. В желании тебя съесть, они забыли то, зачем, собственно, ты вошёл в наше логово. Мне тоже хотелось жрать, но больше всего мне хотелось улететь отсюда подальше и, наконец-то заняться делом, а не жевать сопли. Сестрица, как бы её не назвали – вредная задавака, а братец – нюня и рохля. Даже если он оправиться, то я бы посоветовал ему накачать свои мускулы и увеличить размеры. Ни скорости, ни дыхания, ни маневренности ему не видать, так уж пусть преуспеет в мощи… Кстати, мне нравится, как ты меня назвал. Если будешь себя хорошо вести, когда-нибудь узнаешь моё истинное имя»

«А разве твои родственники нас не слышат?» - опомнился вдруг я.

«Нет! Мы с тобой можем управлять нашим разговором» - успокоил меня Эмадрэкс. – «Если тебе захочется, что бы к

нашему разговору присоединились другие, просто начни говорить не только со мной… Вот как сейчас»

Мы обогнули вершину, и я услышал смех Урпрана.

«Что, удираешь? Пользуешься своим преимуществом?! Ну, лети-лети»

«А почему я не слышу твоего брата или сестры?»

«Потому что ты не знаешь, как их зовут!» - послышался голос Эмадрэкса. «Как только они найдут себе всадников, а те сообщат тебе их прозвания, мы сможем говорить и с ними»

«Даже ты не можешь с ними говорить!» - вновь удивился я.

«Даже я!» - заявил вдруг Урпран. Мы уже преодолели значительное расстояние, но голос старого дракона я слышал так же отчётливо, как будто мы до сих пор находились в пещере.

«Они лишь чувствуют меня» - продолжил меж тем старик. – «Мою злость

и желания. Но, признаться, мне это порядком надоело. Я не нянька, а дракон!»

Последнее было сказано таким тоном, что Эмадрэкс взмахнул крыльями лишнюю пару раз, прибавляя хода. Два преследователя изрядно поотстали. Я попытался посмотреть вниз, для чего вытянулся вправо.

«Что ты хочешь?» - спросил Эмадрэкс.

«Я хочу узнать, где мы!» - сообщил я.

«Для этого нет нужды выпадывать на ходу. Я не имею навыка подхвата, а горы слишком близко. К тому же у меня есть пара глаз, гораздо зорче твоих. Просто посмотри ими»

«Я это могу?»

«В бою или полёте ты можешь всё то, что могу я, а я – всё то, что можешь ты. Смотри!»

Внезапно моё зрение как бы усилилось многократно.

«А теперь попробуй настроить зрение, посмотри в разные стороны» - посоветовал Эмадрэкс. Я послушался. Вскоре я видел

всё. А главное, вдалеке показались знакомые черты монастырских стен. Светало. Мы стремительно приближались, но я не собирался подлетать к проклятой обители.

«Мы спустимся здесь» - уверенно сказал я, указав на место замеченного мною выхода из подземелья…

«А родня?!» - впервые неуверенно спросил Эмадрэкс.

«Разберёмся» - надменно ответил я.

Ну, вот, теперь моя совесть спокойна.

Мы спустились чуть вдали от выхода, и я расстегнул необычайно лёгкие ремни и скатился по левому крылу Эмадрэкса.

«Твоя сестрица, может и дышит пламенем сильнее тебя» - посмотрел я в глаза моего дракона, приблизившись к его могучей голове, в полтора моих роста, - «Но даже немой она почувствует, что я с ней сделаю, если она хотя бы вберёт в себя воздух. Тем более твой малохольный братец. И запомни, Эмадрэкс! Это я назвал

тебя, а не ты! Так что не смей мне дерзить, жалкая ящерица… И мы поладим»

Эмадрэкс отпрянул. В его взгляде я увидел и гнев, и возмущение, и восхищение.

«Да, - не отводя глаз от его морды, продолжил я, - твой всадник, не простой анэстир, а тайн… А ты ещё ничем не доказал, что достоин зваться драконом тайна»

Я извлёк из-за пазухи переданный мне Урпраном кистень с набалдашником в виде трёх когтей дракона.

«Так что вот тебе задание: пока я тут разыскиваю для них подходящих всадников, приструни-ка своих диких родственничков, а не то получишь по морде одним из этих коготков. Кстати, - усмехнулся я, - можешь выбрать, каким именно»

С этими словами я повернулся и, не оглядываясь, пошёл прочь. Едва я повернул рычаг, открывающий дверь

выхода снаружи, как услышал взмах крыльев моего дракона.

«Да, - подумал я, - уловки есть у тех и у других»

«Это точно, - согласно пробасил голос Урпрана. – Ты – молодец! Я опасался, что Эмадрэкс возьмёт над тобой верх, и ты будешь делать то, что ему вздумается»

«Сколько ещё ты будешь вмешиваться в мои мысли?!» - недовольно фыркнул я, захлопывая за собой дверь.

«Но, но! Полегче! Я не Эмадрэкс, не забывай об этом!» - взревел старик.

«А я не твой всадник» - парировал я. – «Или тебе нужен официальный запрет?»

«Хорошо!» - миролюбиво ответил дракон. – «Ты прав, ты – уже не простой анэстир. Я поторопился, отдав тебе кистень… Хотя нет, я всё сделал правильно. На сей раз я не ошибся, а потому ты прав»

Он умолк.

В этот момент случилось невероятное. Меня озарило! Впервые со дня нашего

знакомства Урпран подчинился моему приказу и одновременно согласился со мной. Хотя и с оговоркой «на сей раз я не ошибся», но он согласился и подчинился. Я ликовал! Даже если он слукавил, и всё равно подслушивает меня, я не позволю ему просто так вторгаться в мой внутренний мир. Пора воспитательства прошла. Пришла пора действовать самому. Я распустил плечи и вошёл в третий от основного коридора закоулок. Здесь, располагалась широкая трапезная. Едва я раскрыл дверь, в мою сторону с шумом поднялись три тени. Я выхватил кистень и замахнулся им.

«Бельт!» - услышал я. Так меня звали лишь в приюте. Голос слишком знаком и принадлежал он, как я помнил, Тимину Хромому. Вдали длинного стола я приметил ещё одну фигуру, но она лишь дёрнулась при возгласе Тимина.

«Да, я – Бельт» - кивнул я и широко улыбнулся. Передо мной стояли Тимин, Раслин, а по другую сторону стола,

Калпет. Все они были одеты почти в такие же плащи, как я. Тимин и Калпет держали в руках длиннющие наконечники копий, а Раслин, как и я, сжимал в руке ламму, немного короче, чем у меня, зато позвякивающую рядом колец, у основания черена. Мои друзья, я имел право их так назвать, улыбнулись мне в ответ.

«Ясного неба, лацтиане!» - заявил я, усмехнувшись. – «Там снаружи летает пара невзнузданных скакунов. У кого есть желание заиметь породистого жеребца и кобылу? Жеребец, правда, слабоват, но если выходить, снесёт любую преграду. Что же до кобылы, я бы не стоял рядом, когда она выдыхает»

«Снаружи драконы?!» - изумлённо догадался Раслин.

«Самые что ни на есть настоящие, и если вы сейчас же не решите, кто из вас пойдёт их называть, я выгоню вас отсюда этой вот игрушкой, - я погрозил кистенем. – Я не шучу. Там и мой дракон летает, и он мне

говорит, что уже замаялся удерживать их близко от входа. Так что живо решайте!»

«Я не пойду!» - мотнул головой Тимин. – «Я ещё не до конца знаю древний язык»

«Это – веский довод, - кивнул я. - Учи его быстрей! И ты ещё успеешь стать всадником. Вы?»

Я посмотрел на Раслина и Калпета.

«Мы пойдём!», - кивнул Калпет и первым пошёл в мою сторону. Я потребовал, чтоб они сняли плащи. Затем повернулся и, выскочив из трапезной, почти побежал к выходу. Я знал, что Калпет бежит за мной, а за ним Раслин.

«Надеюсь, вы догадались прихватить с собой ожерелья?» - спросил я на ходу. – «И те тряпки, что я приметил у входа, эта ветошь, в которую вы их завернули?»

«Да» - выдохнул Калпет.

«Тогда приготовь свой наконечник! Как только я отопру дверь, ты выскочишь и попытаешь пронзить им того дракона, кто первым обратит на тебя внимание и кинется в твою сторону. Запомни! Ты

должен сделать всё, что бы достать его своим жалом, иначе ты умрёшь!»

Я добежал до двери и распахнул её. Меня опалил всполох пламени. Как хорошо, что я догадался вначале спустить забрало шлема! Калпет вскрикнул и с воплем метнулся в сторону от огня. Его непокрытая голова в тот же миг загорелась. Я рванулся к нему, на ходу срывая ветошь. Затем накинул ткань на голову и потушил пламя. Раслин изумлённо смотрел на нас, не в силах двинуться. Я повернулся к нему и огрел кистенем.

«Не стой! – рявкнул я и толкнул его к выходу, закрывая забрало его шлема. Тот выскочил и наткнулся прямо на раскрытую пасть дракона. Выставив вперёд ламму, Раслин подцепил ей язык чудовища, отчего тот явно поперхнулся, а в следующее мгновение забился в судорогах, оттолкнул передними лапами Раслина и взвыл. Раслин оказался буквально вдавлен в распахнутую настежь

дверь. Но этого чудовищу показалось мало, и оно ударило несчастного громадным шипом, свисающим с его хвоста.

«Да он раза в два больше, чем у тебя!» - восхищённо заметил я.

«О да, - услышал я изумлённый и беспокойный голос Эмадрэкса. – Твоему приятелю повезло меньше, чем тебе!»

«Почему меньше?» - услышал я ещё один, теперь уже возмущённый и обиженный голос. – «Тебя, по крайней мере, за язык не дёргали»

«Кротлан[46]?!» - ещё больше изумился Эмадрэкс.

«Да! Этот доходяга больше ничего не смог придумать» - ворчливо заметил второй дракон.

«Не егози, а быстрее зализывай его раны!» - вмешался вдруг Урпран. – «Тебе ещё нужно будет восстанавливать его помятые внутренности. И не ной, сам виноват!»

---

[46] **Кротлан** – суаф – *удар булавы*

«Да, шевелись», - подтвердил Эмадрэкс. – «А то наша сестрица, кажется, перестаралась…»

«Это ещё кто перестарался!» - рявкнул Урпран.

«Я почувствовал страх Беллинта!» - попытался оправдаться Эмадрэкс.

«Да, и швырнул её так, что она поломала себе правое крыло»

«Если это кого-нибудь интересует, мой друг сейчас на грани жизни и смерти» - вмешался в их перепалку я.

«Увы, ему мы помочь не сможем. Разбирайся сам, Беллинт» - сокрушённо ответил старый дракон. – «Мы позаботимся о всаднике Кротлана… Кстати, очень удачное прозвание»

«Хорошо», - я не расслышал последнего замечания старика, и снова устремился к Калпету. Тот истекал кровью. Я осторожно положил его на скомканную ветошь, затем оторвал от неё кусок и принялся стирать градины крови. Это причинило несчастному ещё большую боль, он охнул

и, кажется, потерял сознание. Тогда я быстро перевязал его голову остатками ветоши, пытаясь хоть так остановить кровь. Затем я принялся звать Тимина. Когда тот приковылял и всё увидел, то немедля поскакал проч. Вскоре он показался вновь, держа в руках чёрную замшевую сумку. Он извлёк из сумки склянку с жидкостью и велел мне снять повязку. Осторожно я снял ветошь, тогда он смочил содержимым склянки небольшой комок, который так же достал из сумки и принялся стирать с лица Калпета уже сгустившуюся кровь. Когда он решил, что уже достаточно, то вытащил другую склянку и вновь смазал извлечённый из сумки комок. Осторожно он открыл склянку и опустил в неё комок. Я почувствовал какой-то резкий запах. Тимин меж тем аккуратно нанёс пахучую смесь на обожжённые участки головы, а после достал из сумки плотно скрученный рулон ткани и обвязал ею голову Калпета.

«Теперь его надо отнести в помещение для раненых!» - молвил Тимин. Это сразу за казармами. Я кивнул. Мы осторожно подняли раненого и потащили обмякшее тело к казармам. Тимин недолго повозился с замком, затем мы вошли и положили Калпета на кровать.

«Надо привести его в чувства» - сказал Тимин, в последний раз извлекая из сумки ещё одну склянку. Он дал Калпету понюхать содержимое, отчего тот немедленно пришёл в себя.

«Потерпи, дружище, - ободряюще сказал он. – «Глаза не задеты, только лоб, правая щека и ухо. Левая, вроде быстро заживёт. Ну и длинных волос тебе больше не носить. На макушке почти до кости, она больше всех пострадала. Зато ты жив, и это главное»

«Да, жив, - согласился я, - и отомщён. Твоя обидчица сломала крыло, а это пострашнее обожжённого лба. Ты можешь о нём позаботиться, Тимин? Я должен узнать, как там Раслин»

«Да, конечно! Иди! Только…»

Но последнего слова я не расслышал. А зря.

Рассказ 8. **Третье колено**

Всё, что я рассказал раньше, было лишь присказкой. Настоящая повесть о третьем поколении небесных всадников начнётся лишь сейчас, в тот миг, когда появилась первая настоящая стая. Потому что один дракон – это одинокий дракон. Два дракона – это пара одиноких драконов. А вот три дракона – это стая. Это скажет вам любой дракон. Ну, если конечно захочет с вами поговорить. Драконы обычно редко когда удосуживают еду разговорами с ней. Это всё равно, что мы, люди разговаривали бы с зажаренным нами цыплёнком. Впрочем, это так – нервная шутка. Потому что даже сейчас, когда прошло столько лет, эта сцена, встающая передо мною вновь и вновь, до сих про вызывает у меня смешанные чувства.

Едва я выбежал из казарм, как наткнулся на кого-то идущего мне навстречу. Вернее он не шёл, а лишь пробирался, держась рукой за стену. Так обычно ходят слепцы, у которых нет даже палочки. Я наскочил на него, и мы кубарем рухнули на пол. Я вскочил. Передо мной и впрямь лежал слепец. Накидка, до сих пор скрывающая его лицо, раскрылась, и я увидел вместо глаз темные провалы, а вместо носа две уродливые дыры. Слепец открыл рот и застонал. И тогда я увидел ещё один страшный след пыток – у несчастного не было языка. В кромешной тьме свет тусклых ламп еле освещал коридор, и я приблизился к изуродованному лицу.

Я где-то его видел. Уцелевшие черты лица: пепельные брови, веснушчатые щёки, овальный подбородок были мне знакомы. Я добавил чуть приплюснутый нос, цвета лазури глаза и… Я рывком стянул накидку и яркая даже здесь копна рыжих волос заставила меня отпрянуть.

Такие волосы были лишь у одного моего знакомого! Их бы я не спутал никогда.

«Тюдрат!» - изумлённо крикнул я.

Тот сокрушённо кивнул и попытался подняться. Никакие мои муки не шли в сравнение с тем, что я видел сейчас перед собой. Человек, кого я считал своим братом, кто предал меня моим врагам на страшную смерть, лежал сейчас передо мной, изуродованный и беспомощный.

Забыв обо всём, я сел на пол и… заплакал. Я ещё не знал, что его мучители выжгли на спине и груди позорные слова «Предатель» и «Отступник». Не знал я и того, что прежде чем выколоть ему глаза, его морили голодом, а затем, совершив над ним издевательства, заставили бродить одиноко по бесчисленным коридорам подземелья. Да, лацтиане – жестокий народ. Ибо только они могут так изощрятся. Даже мои предполагаемые пытки южане просто слямзили у лацтиан. Я плакал, но даже не оттого, что видел, а оттого, что осознал – всё это сделали не

монахи, дрожащие при одном только слове «лацтианин», нет! Это сделали Тимин, Калпет и Раслин.

Что я наделал?! Каких чудовищ я выпустил из пещер?! Неужели наши мучители были правы, и мы не заслуживаем ничего, кроме забвения?!

В этот миг я не слышал ничего. Ни один звук, ни один внутренний голос… НИЧЕГО!

Сколько времени я сидел, я не знаю. Я встал, молча схватил Тюдрата за руку и рывком поднял его, обхватив за плечи. Слёзы всё ещё текли с мои щёк.

«Скажи мне только одно?! – спросил я как можно твёрже. - Точнее кивни! Скажи мне, в ночь перед тем, как меня предать, с тобой кто-нибудь разговаривал?!»

Тюдрат кивнул.

«Этот кто-то сказал, как его зовут?»

Тюдрат вновь кивнул.

«Напиши мне его имя!» - потребовал я.

«Довольно!» - услышал я мрачный голос старого дракона. – «Тюдрат исполнил моё повеление»

Больше я не сказал в коридоре ни слова. Я вновь схватил Тюдрата за руку и устремился к выходу. Затем открыл дверь, предварительно нагнувшись и взяв в руки обронённый Калпетом наконечник. Эмадрэкс и Кротлан стояли, поодаль присмирев, перед ними сидел приходивший в себя Раслин. Я зло посмотрел на него. Затем прошёл в сторону, где рухнула драконица, увлекая Тюдрата. Когда мы подошли к ней, она угрожающе зашипела.

«Вот что, подруга, - мрачно сказал я, перекладывая наконечник в руку Тюдрата. – Сейчас он подойдёт к тебе и проткнёт тебя легонько в шею. Я направлю его руку так, что ты почти не почувствуешь боли. Затем ты чуть коснешься, его щеки когтём, который предварительно омочишь в своей крови. Поняла?! Я это делаю ещё и потому, что здесь рядом больше нет ни одного

претендента на твою спину, и некому будет тебе помочь! И помни, если ты хотя бы попытаешься сделать что-то неправильно…, - я посмотрел в сторону драконов, и отдал приказ. - Убейте её! Убейте, как никчёмную ящерицу и развейте её прах по ветру»

Драконица отпрянула. Оба дракона охнули. В последней надежде они обратились к своему далёкому деду. Я отчётливо услышал их мысли.

«Вы выполните приказ, ибо таков уговор» - только и сказал Урпран. Едва он это произнёс, я, не колеблясь, выбросил руку Тюдрата с выставленным наконечником вперёд. Обречённая драконица подставила под него шею.

«Это – единственно утешение, мой брат» - промолвил я, прежде чем её коготь коснулся щеки Тюдрата.

«Эмгуссэ[47]!» - отчётливо услышал я. Это был голос моего названного брата.

---

[47] **Эмгуссэ** – суаф – *моё утешение*

«Эмгуссэ!» - повторил бас Урпрана. Я представил себе, как лежащий под сводами пещеры, на груде бриллиантов старый дракон согласно кивнул.

«Эмгуссэ!» - послышался третий, до сих пор неизвестный мне, мелодичный и, одновременно шипящий голос. Я понял, что драконица, наконец, осознала, как её зовут.

«Ты слышишь меня, Тюдрат?!» - вечность я ждал ответа!

«Да, Беллинт» - слепец даже не кивнул, но я отчётливо услышал внутри себя до боли знакомый голос. Предательские слёзы вновь залили мне щёки. Комок подкатил к горлу. Я улыбнулся не в силах вымолвить ни слова. Но слова были просто не нужны!

«Пусть всадник коснётся раненного крыла, - торжественно произнёс Урпран. - Сила первого кровосмешения теперь в его руках. Дракон пострадал больше!»

Превозмогая боль, драконица подставила сломанное крыло. Тюдрат

бережно коснулся повреждённого сустава. Тело Эмгуссэ задрожало, она встала, расправляя крыло. Старый дракон оказался прав. Сила первого кровосмешения, что залечивает все раны, нанесённые при первом контакте яса и анэстира, и на сей раз сделала своё дело.

«Ты видишь меня, Тюдрат?» - спросил я.

«Да, ответил мне голос внутри! Так же хорошо, как слышу»

«Я помогу тебе надеть на неё ожерелье, но помни: драконицы привередливы, и не любят носить чужие побрякушки. Так что чем быстрее ты закажешь для неё персональное ожерелье, тем быстрее вы найдёте общий язык. До этого я прослежу, что бы мой приказ относительно неё был исполнен в точности. Ты это понимаешь, Эмгуссэ? Я пока не отменяю своего приказа. Там, внутри лаза есть один, уже увеченный тобой. Если ты причинишь своему всаднику какой-либо вред, будешь тотчас умерщвлена. И запомни, на сей раз, тебя не убьют просто так! Я позабочусь о

том, чтобы Тюдрат не лишился разума. Полагаю, этой угрозы достаточно, чтобы охладить твою горячую голову и смягчить не в меру свирепый нрав. Я так же вижу, что ты опалила и Эмадрэкса. А ведь я его всадник, Эмгуссэ! Не заставляй меня больше сожалеть о том, что я пощадил тебя. Ты всё поняла?!»

«Да, тайн Беллинт», - склонила голову присмиревшая драконица.

«Да, - кивнул я, переводя взгляд на стоящих драконов, - здесь сейчас трое ясов и трое анэстиров. Достаточно, для первой стаи. Теперь так! В моих руках один из трёх кистеней – знаков верховной власти Лацэта. А, следовательно, я – один из трёх военных правителей этой страны. По закону нашей страны я должен назначить управителя, который созовёт Великое собрание всех концов Лацэта. А ещё по закону я могу назвать одного из вас сетаром стаи, это моё право, хотя формально сетаром является яс Урпран, но у меня имеются, по крайней мере, две

причины, что бы именно сейчас воспользоваться своим правом. Ты справился со своим заданием, Эмадрэкс, свирепость Эмгуссэ не твоя вина. Так что вот моё решение: сетар стаи отныне Эмадрэкс, сын благородной Леттэи. Ты принимаешь моё решение, Урпран, сын царственной Веи?!»

«Да!» - последовал ответ.

«Я хочу, что бы его слышали все! Ты знаешь, что это означает для тебя?!»

«Да!» - повторил твёрдо старый дракон.

«Ты низложен, Урпран, сын царственной Веи. Тебе дозволяется умереть!» - я сделал паузу, предстояло самое главное в моей жизни. – «Теперь, кода ты, Эмадрэкс, сын благородной Леттэи, стал сетаром Лацэкса, ты вправе отменить все решения предыдущего сетара. Хочешь ли ты это сделать?!»

Следующая пауза показалась мне слишком долгой, хотя Эмадрэкс и клялся, что буквально, как только я задал вопрос, он выпалил «Нет!»

Кто знает, может и так.

Часть вторая. Стяг над городом

Рассказ 9. **Поиск нужных слов**

Уже не помню, с каких пор, но я взял себе за правило прилетать на это место всякий раз, как выдастся свободный денёк. Правда, таких деньков с каждым годом всё меньше. Но, тут уж ничего не поделаешь. Мне помниться и раньше их было не так уж много.

Небольшой пляж между двух почти одинаковых скал, засыпанный мелкой галькой, прохладная вода и на многие вёрсты ни души. Искупавшись, я выхожу и, не отряхиваясь, ложусь на поверхность, подставляя бока ласковому солнцу. Здесь лучше всего вспоминается былое. А мне, ясу Третьего поколения, вожаку стаи Огненных Ветрогонов, Эмадрэксу Великолепному есть что вспомнить.

Беллинт Возродитель, мой всадник, недаром получил это прозвище. И я по-настоящему горд, что мы выбрали друг друга в Бриллиантовой пещере на самой вершине Веи-Тудмнонэ. Но прежде, чем

его заслужить, мы подняли знамя Страны Башен над древним Талумсимом и победили врага в битве на Яблочной равнине.

Но ещё прежде мне вспоминается тот день, когда я впервые ощутил над собой власть и силу обаяния Беллинта. В тот день я понял, что несу на своей спине истинного вождя, сурового, но милосердного, жестокого, но справедливого, непоколебимого, но великодушного. Он не стеснялся проявлять слабость, но когда было надо, был твёрд и умел держать любой удар.

А ещё я понял тогда, как мне тяжко придётся каждый день и час доказывать, что это я достоин своего всадника, а не он меня.

День уже клонился к вечеру, когда Беллинт, которого друзья звали просто Бельт, наконец, скомандовал стае подняться в воздух. Мы оставили двух хумантов, или, правильнее людей – Тимина Хромого и Калпета Опалённого

дожидаться нашего возвращения. Когда я сказал стая, то можно было подумать, что нас сотни. На самом деле кроме меня, моего брата Кротлана и сестры Эмгуссэ, которых принято называть стаей Возрождения, да старого Урпрана в Дэе больше не было драконов. Наши южные сородичи давно не объявлялись, так что мы даже забыли, как они выглядят, хотя помнили, что некогда их стаи встречались с нашими. Что же до драконов запада и морских стай на востоке, от первых осталось лишь название континента, а вторые предпочли уйти в глубины и стать послушными исполнителями воли Морского Хозяина. Нам же, драконам севера, только предстояло пройти тяжёлый и суровый путь возрождения из небытия, куда нас толкнули некогда собственная гордыня и человеческое себялюбие. Наши предки, грозные ясы Второго колена, считали себя непогрешимыми и имеющими право поднять свою мощную лапу на всё, что

населяет Большой континент. За это они и поплатились. Уцелел лишь один, но и он собрался вскоре навеки уснуть в никому неведомом укрывище.

Мы летели обратно знакомым путём, в наше семейное гнездо, где в каменной чаше посреди лужи крови, что год-за-годом отдавал великий Урпран, плавали ещё пятьдесят два яйца, в которых в тысячелетнем плену томились наши братья и сёстры. И мы должны были стать их няньками подобно тому, как наш дед вынянчил нас. Он был суровым родителем, но он имел на это право! Ведь каждый из нас в течение многих сотен лет, по сути, питался его кровью. Наш дед медленно умирал, давая жить нам. Когда я слышал грозные слова Беллинта, сказанные им в Урочной впадине, то восхищение сменялось негодованием, ведь я знал, какой ценой давались Урпрану все эти сотни лет. Но я так же знал, что мудрый дракон не зря носил своё

прозвание. И его выбор пал на достойнейшего. На МОЕГО всадника.

Мы летели почти молча. Лишь изредка Беллинт отдавал короткие команды, но больше своим друзьям, чем нам. Я был быстрее брата и сестры, но старался лететь лишь чуть дальше их. К полуночи мы достигли Веи-Тудмнонэ. Я приземлился на карниз и, не медля вошёл в пещеру. Старика в ней уже не было, лишь помятая груда бриллиантов напоминала о том, что некогда здесь возлежал огнедышащий исполин, которому я всего чуть более полусуток дерзнул ответить жалкой струйкой своего огня. Я был ещё слишком молод.

- Нам нужно многое успеть, - сказал Беллинт, взглянув на меня. Он снял шлем и швырнул плащ, расстёгивая доспехи, которые с непривычки уже натёрли ему мозоли. – Но сегодня мы отдыхаем. Ты и я. Ужином пусть займутся другие. А я устал.

Он задумчиво посмотрел на груду бриллиантов.

- Интересно, каково это спать на таком вот богатстве? Этой горки с лихвой хватит, что бы просто выкупить Лацэт у южан. Но, боюсь, на том они не успокоятся.

- К тому же, ведь ты не собираешься ничего покупать, - впервые за это время позволил себе усмехнуться я.

Он улыбнулся, так же впервые, усталой, вымученной, но довольной улыбкой.

- Да, ничего покупать я не собираюсь. Только отвоёвывать и отстраивать. Даже этой груды не хватит, что бы восстановить самое главное в нашей с тобой стране. Честь!

- Да, этой груды не хватит, - согласился я.

- А потому она пойдёт на другие цели, - решительно объявил Бельт. - Знаешь, я ведь я намерен вернуть эти побрякушки их первым владельцам! Правда, я не знаю всего списка, но догадываюсь, что почти все они добыты на юге, где некогда мощные вулканы образовали нижнюю часть Бакрона. Те, что помельче, скорее

всего, привезены из Юнольта. Только диаманты – работа наших мастеров. Только они добыты честным путём. Твой отец, наверняка оказал какие-то услуги магистрату Талумсима, так что в архивах ратуши должны остаться записи, а может и договора.

- Согласен! На что ты рассчитываешь их потратить?

- Ну, прежде всего нам нужно обучить, обмундировать и вооружить достойную армию, способную защитить границы Лацэта на земле, в то время как мы будем это делать в небе. А для этого надо подкупить блеском и великолепием древнюю талумсимскую знать. Кто-то же и прежних родов всадников должен был остаться? Они нам помогут сплотить народ. Ведь они знают, как им управлять. К тому же, нам нужны всадники. Пока у меня лишь двое претендентов. И то ещё вопрос, согласится ли теперь Калпет на вторую попытку?

- Ну-у, формально, он так и не попал на испытание. Можно счесть, что он просто на него… хм, опоздал.

- Да уж! И получил достойное наказание, - вдруг пошутил Бельт.

Я рассмеялся.

- Старик прав, надо быть снисходительным к вашим слабостям, иначе можно сойти с ума, - улыбаясь, проговорил он.

В это время в залу с шумом выскочила Эмгуссэ.

- Поосторожней! – прикрикнул я на сестру. Похоже, с непривычки Тюдрата вырвало.

- Я что, виновата, что он такой?..

- Да, - рыкнул я, легонько ударяя хвостом, и наставительно заметил. – Ты должна быть снисходительной к слабостям всадника.

Мой всадник рассмеялся. Он вдруг откинулся на груду бриллиантов и закрыл глаза.

- Ложись, Эмадрэкс! – приказал он. – Мы должны отдохнуть! Завтра после обеда, нам предстоит долгий путь. Кажется я, наконец, знаю, с чего начать наше Возрождение. Ужинайте без меня… Кстати, Тюдрат за старшего!

С этими словами он уснул. Я посмотрел на него, затем на слепого Тюдрата, которого теперь все знают, как Тюдрат Тёмный, хотя рыжий цвет волос не изменили ни годы, ни испытания.

- Да, - неуверенно сказал он. – Надо бы подкрепиться, но не раньше, чем прилетят Кротлан с Раслином.

- А куда они пропали?! – спросил я.

- Я заметила стадо горных козлов на восточном склоне… Я бы сама спустилась, но… сам видишь.

- Хорошо, - кивнул я. Чуть позже мы поужинали. И Кротлан с Эмгуссэ скорее по привычке, отправились в свои коридоры пещеры. Я же осторожно поднял плащ Бельта, как смог, накрыл его, а сам взошёл на груду драгоценных

камней и впервые уснул как настоящий дракон.

Как настоящий дракон я и проснулся, разбуженный своим всадником. Так было заведено. И этого никто не отменял. Бельт давал какие-то указания Тюдрату и Раслину, когда моя милость соизволила-таки открыть глаза. Затем Бельт оценивающе посмотрел на меня.

- Ну, ты и соня! – улыбнулся он, затем посуровел. – Вставай, а то пропустишь право вытащить на свет первого родича. Сегодня мы сделаем две попытки. И они не должны пропасть даром. Так что придётся быть очень осторожным. Эмгуссэ постарается аккуратно извлечь яйцо из чаши и положить его на крыло Кротлана. Тот должен донести яйцо до выхода, в это время Эмгуссэ будет поддерживать крыло с другой стороны, а я и Раслин будем следить с краёв. Затем Кротлан скатит яйцо на карниз и если оно благополучно приземлиться, то ты, уцепившись за карниз, не дашь ему упасть. А если нет, то

тем более не дашь. Как только лучи солнца коснуться его поверхности, дракон внутри будет долбиться зубом о кору, и здесь нужно сделать всё возможное, что бы он благополучно вылупился… В десятый раз повторяю одно и тоже! Но так лучше запоминается. На карнизе нас уже не будет, так что отведёте в детскую пещеру его вы.

- Я плохо поужинал вчера…

- Завтрак в углу, - Бельт указал рукой на дальний угол пещеры, где, видимо, разжигали костёр. Оттуда приятно пахло свежей дичью. Хотя поначалу противно несло палёным, то есть жареным. Я немедля соскочил с груды и направился через зал к трапезной. По дороге я заглянул в чашу, где находились яйца. Они уже не плавали, но сгрудились бесформенной массой одно над другим, а темнеющая, смолянистая жидкость более напоминала застывший пудинг, облепивший нижние яйца.

- Ты правильно угадал, - задумчиво заметила Эмгуссе, стоявшая напротив меня и тоже смотрящая на яйца. – Ещё немного и они могут погибнуть.

- Ну, не совсем так! - возразил подошедший Бельт. – В одной из книг в монастыре я прочёл, что драконьи яйца держат в крови только в том случае, если нет иного способа поддержать нужные условия.

- Что за условия? – спросил Тюдрат, который стоял рядом с драконицей.

- Надо делать так, что бы в месте, где они лежать были постоянные условия: не слишком жарко, но и не холодно, не душно, но и не свежо. Главное, чтобы не было никакого ветра, и что бы яйца плавали. Идеально для этого подходит кровь дракона, но такие условия можно создать самим. Сейчас одно из них точно нарушено. Так что вам с Кротланом придётся поторопиться. Пока мы летаем на юг в Стафолас.

- В Стафолас?! - я недоумённо посмотрел на всадника.

- Да, - кивнул он. – В Стафолас. Пока у нас нет башен и армии, нам нужен надёжный союзник, который предупредил бы нас в случае опасности. И преградил бы путь южанам, если бы они захотели вторгнуться в возрождённый Лацэт. На сегодняшний день я знаю лишь один народ, который ведёт с людьми юга многолетнюю войну. Правда, они издревле не жалуют и драконов. Но поговорку ещё никто не отменял, а потому я хочу попробовать договориться с альвами[48]. Надо лишь подобрать нужные слова…

- С альвами?! – недоумённо спросила Эмгуссэ.

- Да, я понимаю, - сказал меж тем Тюдрат. – Альвы! Монахи постоянно твердили, что кавалеры ордена ведут с ними непрекращающуюся войну. Правда,

---

[48] **альвы** – древнейший из живущих народов Дэи, узревший свет Великих Первых. Вели долгую борьбу с другим народом - адоратами, но после их истребления сами оказались столь малочисленными, что уступили цвергам и людям. Ко времени победы людей жили в основном в лесах и лесостепных и пустынных зонах, реже – в горах.

в последнее время, они, кажется, заключили с альвами перемирие…

- Перемирие? – усмехнулся Бельт. – Не думаю, что это серьёзно, а тем более надолго. Но даже если это и так, нам придётся по-настоящему искать нужные слова, Эмадрэкс. Всё, что мы знаем, про создателей видений, говорит, за то, что если мы не найдём этих самых слов, то наши усилия пропадут, а у наших врагов появится важный союзник. Мы не должны этого допустить. Сегодня, после того, как мы, надеюсь, благополучно выкатим хотя бы одно из двух яиц, мы с тобой улетим на юг. Так что после завтрака приготовься. Как долог путь, я могу лишь догадываться, но он может быть и опасным…

Когда мы позавтракали, я принялся осматривать себя и решил, что полезно будет размять крылья. Я сделал пару кругов над Веей, холодный воздух приятно обжёг лёгкие и гортань. Я уцепился лапами за карниз. Щит выдержал, и я удовлетворённо прошёл в

пещеру. Там уже всё было готово к предстоящему священнодействию. Не стану подробно описывать, скажу лишь то, что мы сделали всё, как говорил Бельт. И нам повезло. Первое же яйцо благополучно раскололось и первый наш собрат, проводимый неожиданно проявивший недужную заботу Эмгуссэ, увидел свет в моих глазах. Окрылённые удачей, мы не стали затягивать и повторили всё со вторым яйцом. На сей раз Бельт настоял, чтоб на карнизе «висела» драконица. Эмгуссэ очень волновалась, но всё закончилось ещё быстрей, чем в первый раз. Во второй раз мы вели себя уверенней и смелей.

Итак, новый дракон и драконица! Через месяц они спустятся в Урочную впадину и там обретут всадников. Увидев, как Эмгуссэ хлопочет о меньших, я, перед самым отбытием кое-что сказал своему всаднику.

- Эмгуссэ! – обратился тот к драконице. – Может так случится, что мы по каким-то

причинам задержимся. В любом случае, Тимин и Калпет будут ждать внизу. Ровно через месяц в третий день Фраболеса ты поведёшь их за собой ко впадине. Ты должна сделать с ними то, что с вами сделал Эмадрэкс. Надеюсь, у тебя получится так же хорошо, как у него. В тот день он действительно всё сделал правильно: он подвёл вас по очереди к выходу. Если бы не твой нрав, ты просто улетела бы, не дав всаднику проткнуть тебя. Что до Кротлана, он просто испугался больше, чем надо было. Теперь вас двое, и вы не ваш дед, поэтому я надеюсь, что ваши младшие брат и сестра получат всё необходимое, чтобы не сплоховать. Что же до Тимина с Калпетом, то они будут готовы ко всему. Мы об этом позаботимся! Да, Эмадрэкс?

- Да, Бельт!

- Ну, всё! Полетели… - я уже развернулся, когда он добавил. – Нет! Ты, Эмгуссэ, поведёшь драконов, даже если мы вернёмся к сроку.

Рассказ 10. **Неожиданные ожидания**

Я продолжу тем, что замечу – мы ненадолго, всего на вечер задержались во впадине. Отдав указания ожидающим нас претендентам и приободрив их обоих, мы долго не могли уснуть. За этот вечер Бельт узнал немало нового. Во-первых, Тимину удалось связаться со своими единомышленниками, которые в округе сколотили нечто вроде шайки. Бельт дал поручение Тимину – за месяц он должен не только хорошо подучить древний язык, излечить Калпета, но и передать кое-что. Люди Тимина должны, незаметно для властей, разнести весть меж народа о возрождении небесных всадников. Одновременно они должны хотя бы попробовать связаться с одним, желательно двумя древними благородными родами.

«Нам нужны всадники и из знати! Иначе мы не добьёмся их расположения», - объяснил Бельт.

«Зачем нам знать, Бельт?! Эта знать тысячу лет назад предала своих родичей!..»

«Нет, Тим! Они сделали всё, что бы народ мог выжить. И во многом то, чего мы достигли, это их заслуга. К тому же они более независимы в своих суждениях, чем простые люди, которых держать в тисках невежества. Они просто обязаны были, каким то способом сохранить родовую память! И если это так, то их лучше иметь союзниками, чем врагами. А союзниками они могут стать только при условии возвращения им всех прав и привилегий, отобранных южанами. Пусть твои люди осторожно присмотрятся к мэру Талумсима и герцогам Приморского феода и Заозёрья. Хорошо было бы, что бы они все в свой час встали под наши знамёна. Или, по крайней мере, не мешали бы нам. Народ уже всё потерял, а

им есть что терять. Так что они будут осторожничать. Да, очень важно!»

Мы привезли с собой мешок, наполненный диамантами, которые скрупулёзно собрали ночью Раслин и Кротлан. Бельт раскрыл мешок. Удивлению Тима не было предела.

«Это – лишь ничтожная часть истинных богатств, которыми мы сейчас владеем. Капля в море! – улыбнулся Бельт. – Эти диаманты могут стать частью богатств любого из герцогов или членов магистрата. Ты так же раздашь по паре своим людям. Один – их, за службу и верность! Это не обсуждается! – Бельт предупреждающе поднял руку, затем продолжил. – Второй они должны показывать всем, кого захотят приобщить к тайне… Но! Только убедившись, что кандидат достоин. И главное!»

Он достал из сумки несколько листов бумаги и чернила.

«Сейчас я напишу письмо. Это – не просто слова, а документ. Утром ты

получишь несколько экземпляров и сохранишь их до прилёта драконов во главе с Эмгуссэ и Тюдратом. Когда вы немного освоитесь, можно будет доставить эти письма адресатам.

- Ты так говоришь, будто улетаешь навсегда, - мрачно усмехнулся Тим.

- Возможно! До сегодняшнего дня я более-менее знал, что делаю. Завтра же я улетаю в неизвестность. Несмотря на сведения об альвах, содержащиеся в книгах, мы совершенно ничего о них не знаем. Монахи представляют их этакими демонами ночи, ужасными и безжалостными. Я даже не знаю, помнят ли они о прошлом, и если помнят, то, что именно?

Разговор продолжался до глубокой ночи. Мой всадник вместе с Тимом составили письма, затем Бельт поставил на них печать с перстня Ариомуса. Переночевав, рано утром мы, несмотря на хмурую погоду, спешно позавтракали и отправились на юго-восток.

Для того чтобы не встретиться с грозовыми тучами, я взлетел выше облаков и продолжил путь, ориентируясь лишь по солнцу. Мы летели весь день и, по мнению Бельта, предстояло лететь и всю ночь. Я заметил, что это отличная проверка моей выносливости. Всё же следующим утром спустились, для того, что бы сориентироваться на местности.

Мы выплыли из тяжёлых, свинцовых туч и едва не наткнулись на шпили большого города. От неожиданности, я резко взлетел вверх и попал во встречный круговорот. С трудом выбравшись из него, я затем долго блуждал между туч, стараясь окончательно не потерять ориентацию в пространстве. В один миг нам удалось вырваться к солнцу и продолжить путь над облаками. Но где мы теперь находились, вот вопрос?

На сей раз Бельт предложил найти хотя бы какой-то, пусть даже временный просвет. Выхода не было, и ближе к полудню мы нашли подходящую дыру в

густой пелене облаков и спустились по ней к земле. Местность оказалась безлюдной. Бельт решил обследовать её снизу, а я должен был забраться как можно выше, но, не касаясь облаков и рассмотреть всё сверху. Едва я это сделал, как на севере заприметил те самые шпили. Бельт же сообщил мне, что вышел на широкий тракт. Вскоре и я увидел узкую ленту, ведущую прямо к городу. По ней туда-сюда суетливо спешили повозки, а так же конные и пешие люди.

Посовещавшись, мы решили, что Бельту опасно оставаться рядом с дорогой, и он углубился в чащу. Вскоре, была найдена приличная проплешина, на которую я спустился. К вечеру туда пришёл и Бельт.

- Это, несомненно, город южан, а мы в самом центре континента, - заявил он. – Если мне не изменяет память, лишь один город в центральной равнине мог бы оказаться таких размеров. И это плохо.

- Почему?

- Потому что, если увиденный нами город – это Шемрака, то в нём находится капитул ордена Огнеборцев. Именно туда посылались все книги и депеши монахов. Шемрака не только большой, но и древний город. И отстроен он не южанами. Нет! Раньше здесь был лишь лес, северная опушка Стафоласа[49]. Затем сюда пришли наши предки и заложили на границе со степью башню Силы. Шемрака – это город, появившийся на основании первой башни, что снесли южане, вторгшиеся в нашу страну… Эмадрэкс! Ты понимаешь, что это означит?!

- Сейчас мы находимся на древней границе Лацэта!

- Не только, друг мой, не только! Граница со Стафоласом нужна была не для кочевников. Степняки просто пересекали её по договору с нами, охраняя эти границы. На самом деле башня силы здесь нужна лишь для того, что бы оградить самих степняков…

---

[49] **Стафолас** – суаф, букв. – Темнолесье, лесной массив, тянущийся с востока на запад. Здесь располагалось самое мощное королевство альвов последнего времени

- От чего?! – я недоумённо фыркнул.

- От их древних врагов, - ответил Бельт. – От альвов. Мы находимся не на границе, это Шемрака – граница. Ведь маркасы – это что-то вроде приграничного поста. А если убрать все южные переделки, то мы получим Зимаркас – южный пост…

- Да уж! – брезгливо заметил я. - Зимаркас мне больше по душе, чем Шемрака.

Бельт усмехнулся:

- Мы достигли владений альвов, Эмадрэкс! Это их лес. Мы прибыли, куда надо , осталось только найти того, кого нам надо. Демоны ночи, как их называли монахи, любят ночное время суток, а потому у нас есть всего пара часов на отдых, пока солнце окончательно не зашло.

Он устроился поудобней у моего правого бока, накрыл себя плащом и уснул. Я не хотел спать, я ещё не успел настолько устать, что бы хотеть спать, но что-то странное заставило меня сомкнуть

глаза. Возможно, если бы я был стар, как мой дед, я мог бы сослаться на пришедшие внезапно воспоминания…. Но я был молод. Когда же через силу я продрал свои глазищи, то увиденное меня не обрадовало. Темень была непроглядная. Но драконам всё равно, день ли, ночь. Они хорошо видят в любое время. И я увидел.

Шесть фигур, укрытых тёмными плащами, окружили моего всадника, который стоял и говорил о чём-то на странном, неведомом мне языке. Тот, с кем он говорил, стоял перед ним с открытой головой и на том же языке что-то, по-видимому, спрашивал у Бельта. Тон его мне не понравился, но я решил не вмешиваться, ведь Бельт не призвал меня внутренним общением, а значит, ситуация была у него в руках. Я решил, что будет лучше пока понаблюдать, при этом сделал предупредительный знак, как мы до того условились. Бельт не ответил, видно было, что незнакомый язык даётся ему трудно, а потому он сосредоточил всё внимание на

собеседнике и подборе слов. Я понял, кто это были.

Я попытался пристальней рассмотреть собеседника всадника. Мою догадку подтверждали: и необычная форма лица собеседницы Бельта, и форма её глаз и ушей. Золотистое свечение на её лице и шее сплеталось в замысловатый узор, глаза горели таким же золотистым огоньком. В руках альва держала пару длинных изогнутых кинжалов, иногда размахивая то одним, то другим.

Затем я присмотрелся к остальным. Все они держали в руках луки с натянутой тетивой. Намеренья их были вовсе не дружелюбны. Наконец, мне показалось, что они с Бельтом о чём-то договорились. Тот осторожно отцепил свой ремень и передал подошедшему альву, вооружённому длинной саблей. Немного поколебавшись, Бельт отдал альву и кистень, что всегда носил с собой отдельно. При этом он что-то сказал, от чего тот немедленно наставил саблю на

всадника. Окрик говорившей с Бельтом заставил альва убрать лезвие. Тогда альва что-то спросила у Бельта, когда то ответил, она поманила всадника за собой. Трое из шести альвов скрылись сразу за ними, трое остались, направив стрелы на меня. Безумцы!

Едва я почувствовал, что Бельт достаточно далеко, как сделал то единственное, что решил сразу, как только он скрылся в листве. Спустя мгновения двое альвов, корчившись от невыносимой головной боли, лежали на траве. А один, тот, что стоял ближе всех – что-то дико орал в объятьях моих передних лап.

Я попытался достучаться до его разума. С третьей попытки мне это удалось.

- Я не убью тебя, если ты скажешь, куда вы повели моего всадника?! - заявил я.

- Его убьют, как только узнают, что ты только что сделал, - услышал я в ответ.

- Это вряд ли. Впрочем, ваши намерения мне не интересны. Моё терпение не

безгранично с тебя будет довольно, если ты просто ответишь на этот вопрос.

- Я не скажу! – упрямец мне надоел.

- Ты думаешь, я убью тебя сразу?! – усмехнулся я. – Мне нет нужды применять насилие там, где можно обойтись обыкновенным убеждением. Посмотри вниз. Там корчатся в муках двое твоих приятелей. Я проник в их разум и заставил поверить в то, что их облепил рой ос. Скоро они настолько убедят себя в этом, что даже я не смогу образумить их. Но сейчас я могу убедить их в обратном. Я дракон, но не душегуб. Мне их жаль, но мне некогда, с ними заниматься. Мне нужно узнать, куда остальные увели моего всадника. Дело в том, что я в ответе за его безопасность, а сейчас он безоружный находится в окружении твоих явно недружелюбно настроенных сородичей. Так что прощай!..

С этими словами я отшвырнул альва подальше в траву. Затем я сжёг брошенные альвами луки и взмыл вверх.

- Ты куда?! – в ужасе вскричал он.

- Ты же не хочешь мне помочь, - усмехнулся я у него в голове.

- Чего ты хочешь?!

- Ты знаешь!

- Они ушли на восток, к водопадам, где собираются наши… Ему не причинят вреда! Его ведут к нашему владыке.

Я мгновенно спустился у него за спиной.

- Убирайся! И ты, и твои приятели! Догони остальных, и передай этой странной девчонке с кинжалами, что если с его головы упадёт хоть один волос, я выжгу весь Стафолас от Акрона до Лейских[50] водопадов.

Про то, что водопады на востоке Лейские, я узнал, покопавшись в оцепеневшем от ужаса мозгу этого простофили, явно никогда не встречавшегося с живым драконом. Всё остальное мне рассказал изрядно потешившийся над этой историей Бельт. Как бы быстро они не двигались, тройка,

[50] **Лейские водопады** – водопады в центре Стафолоаса, на порогах рек, текущих из Юнольта к Срединному озеру

что я отпустил, от ужаса преодолела это расстояние в два раза быстрее и нагнала основную группу у какой то лесной речушки. Бельт услышал мой знак, а потому совсем не удивился, когда трое насмерть испуганных альва с дикими глазами выскочили из темноты и сбивчиво принялись рассказывать, что с ними произошло.

«Остальные альвы отпрянули от меня, едва поняли, что в эту самую минуту, над ними вполне возможно летает самый настоящий дракон» - смеясь, заметил Бельт. Впрочем, их предводительница, если и испугалась, то не подала вида, что делает ей честь. Напротив, она потребовала, что бы я отстал от них, если Бельт и впрямь хочет невредимым достичь Лейских водопадов.

«Я ответил, что смогу несколько успокоить своего друга, если мне любезно вернут то, что забрали. И развяжут руки. Я так же заметил, что теперь, когда я знаю, куда меня ведут, я совсем не нуждаюсь в

провожатых и тот же путь могу спокойно преодолеть гораздо быстрее на спине дракона, нежели в кампании враждебно настроенных ко мне альвов. Так что если они не хотят неприятностей, с их стороны было бы разумным вернуть мне вещи и спокойно отвести туда, куда мне надо. Что же касается дракона, то он улетит лишь в том случае, если убедится, что я нахожусь в совершенной безопасности. А потому я посоветовал им убрать подальше свои сабли, и затулить стрелы. Со своей стороны я даю слово анэстира, что не проявлю ни капли враждебности, просто поговорю с их владыкой и уберусь восвояси сразу, как только окончу беседу. А я намерен поговорить с владыкой альвов даже в том случае, если он наотрез откажется со мной говорить. И у меня для этого есть несколько огнедышащих доводов. Впрочем, как только владыка узнает о предмете разговора, он сам захочет со мной говорить»

«На вопрос о том, что это за предмет я ответил, что по моему предположению не всех альвов должна устраивать участь лесных демонов тьмы, а я знаю, как раз и навсегда решить эту проблему»

Тогда предводительница альвов усмехнулась.

«Уж не хочу ли я сказать, - спросила она, - что я, хумант, знаю альвов лучше, чем сами альвы?»

«Я ответил, что если альвы за тысячу лет не изменились, то я знаю достаточно, чтобы знать о них главное. Но у меня совсем нет желания заводить сейчас мудрые беседы о том, кто такие альвы и что они из себя представляют»

«Разумно!» - согласилась альва.

«На вопрос, можно ли верить слову хуманта, я ответил, что не давал слово хуманта. Я дал слово анэстира! И если у них есть хотя бы одна причина не доверять этому слову, я просто позову своего дракона и больше не причиню им никаких хлопот»

«У нас пока нет ни одной причины тебе не верить», - заключила альва. Только тогда я связался с тобой.

Я рассмотрел Бельта, стоявшего у небольшого ручья в окружении тех же альвов. Они коротко поговорили, затем он обратился ко мне:

- Вот что, Эмадрэкс. Здесь не без твоей помощи я добился понимания. Теперь я справлюсь один. Если случится непредвиденное, я с тобой немедленно свяжусь. Пока же мне нужно знать, всё об Зимаркасе и его окрестностях. Всё, что может нам пригодиться для будущей осады. Я полагаю, она не за горами. Послезавтра на рассвете мы встретимся на этом же месте, если конечно здесь тебе удобно снизиться.

- Пожалуй, да! – ответил я, осмотревшись. Я пожелал своему всаднику удачи и полетел назад. Мне и самому не терпелось осмотреться. Ведь если дело дойдёт до штурма, я должен знать, куда именно можно будет направить стаю.

Рассказ 11. **Враг моего врага…**

И вновь мне придётся передать то, что я слышал от моего всадника. Но вначале, кратко расскажу об исполнении своей части уговора.

Я не мог показываться над городом днём, а потому рассудил, что должен лететь к Зимаркасу немедля. Я долго кружил над ночным городом, пока не запомнил все более-менее приметные места. Но главное! Я понял, куда они дели основание башни. Посреди города темнели чёрные шпили и крыши крепости, а перед ней круглым светлым пятном выделялась, по-видимому, рыночная площадь…

«Так, так, - подумал я, - На севере – монастырь, на юге – ярмарка!»

Южан стоило прогнать уже за это!

Несколько зданий, примеченных мною, были совсем не старые, но выделялись от общей массы. И прежде всего тем, что

черепица на их крышах была не тёмно-оливковой или чёрной, а бардовой. Они были к тому же двускатными, а по бокам к тому же – четырёх или восьмигранными со шпилями, на один из которых я не так давно едва не напоролся. Но не это главное! Шпили были и на чёрных крышах той же крепости, но они заканчивались просто четырех, а кое-где и шестиконечными звёздами. На шпилях бардовых башен звёзд не было! Они были разной ни разу не повторяющейся, формы. Но кое-что одно всё же их объединяло. Это, в том или ином виде, изображённая спираль. А этот знак говорил всем, что где-то рядом летает дракон.

Что ж, на сей раз знак не врал!

Между тем мой всадник подошёл к первому из водопадов. Здесь у альвов было нечто вроде наблюдательного поста. Альвы не делали больше попыток разоружить Бельта, но потребовали, что

бы он надел на глаза повязку. Бельт подчинился, однако заметил, что благодаря мне, при желании может видеть и через повязку. Его вежливо попросили не делать этого.

- Мы гарантируем, - сказала альва, - что с тобой ничего не случится, но если ты узнаешь, как пройти к Большому Шлему, мы не сможем оставить тебя живым.

- Хорошо, - согласился Бельт, - обещаю, что не буду подсматривать.

Они прошли лишь альвам известной тропой, пока не показалось громадное раскидистое дерево. Здесь повязка была снята.

Под сенью дерева расположился большой многогранный шатёр, часть которого уходила в крону, а другая соединялась с колоннами, заканчивающимися полукруглым бассейном в центре. По другую сторону бассейна темнел вход в пещеру, по краям которого струями спускалась вниз вода. Вход был закрыт.

- Мы на месте! – сообщила альва. - Это, если перевести на хумантов язык, Правый Глаз Господина Темнолесья, - добавила она. – Самая западная резиденция владыки альвов.

- Хорошо, - кивнул Бельт и широко улыбнулся. – Меня всегда поражала альвийская архитектура. Простая, но эффективная. Ничего лишнего, зато много полезного. Я не удивлюсь, если узнаю, что шатёр под деревом – видимость. Впрочем, как и само дерево! Единственное, что здесь настоящее, это во-он те колонны, которые подпирают свод пещеры, а вход, за ними, это на самом деле выход, то есть место, откуда мы пришли.

- Ты же обещал!..

- Я сдержал обещание! Но я повторяю! Я очень хорошо знаю альвийскую архитектуру, и немного разбираюсь в вашей магии. Не знаю, знаешь ли ты, но все всадники – маги. И магии мы учимся мы не у простых людских магов. Мой учитель – Урпран Чёрный…

- Урпран Чёрный?! – услышал Бельт старческий голос. Перед ним возник белобородый старец в тёмно-синей одежде. Все остальные альвы в почтении склонили перед ним головы. – Две тысячи лет, - продолжил старец, - это имя запрещено произносить в Стафоласе. Кто ты, что осмелился нарушить запрет?!

- Меня зовут Беллинт, я – тайн Лацэта и анэстир Эмадрэкса. Назови своё имя, старик и я сочту тебя учтивым.

Старик вспыхнул. Зал, замерший при появлении старика, недовольно загомонил.

- Тихо! – окрикнул старик. - Те же манеры! Те же надменные манеры без тени страха и уважения! Знаешь, кого ты привела к нам, безумная? Твои прежние похождения ничего не значат против этой выходки…

Старик посмотрел на альву ненавидящим взглядом.

- Это – враг! Первейший враг всего нашего народа! И, вот он стоит посреди

одного из наших оплотов. Такой же надменный и самовлюблённый, как и все его предки. Он знает, что никто здесь не причинит ему вреда, и наслаждается своим положением.

- Но владыка…

- Молчиииии! Молчи!.. – старик поднял руку, словно хотел закрыть альве рот.

- Так, с кем я говорю? Или за столько лет ты позабыл даже своё имя? – усмехнулся Бельт, обращая внимание на себя.

- Нет! Я ничего не забыл! Ты говоришь, ты ученик Чёрного дракона?!

- Да, я ученик Урпран Чёрный, - кивнул Бельт.

- Как он поживает? – ехидно спросил старик, упорно отказываясь называть своё имя.

- Я приказал ему умереть, - сообщил Бельт.

- Так он низложен! - улыбнулся старик. – Вот ведь удача!

- Ну, для кого как, - в ответ улыбнулся Бельт.

- Для кого как, - повторил старик. – Но если ты и впрямь ученик Чёрного дракона, ты просто обязан знать моё имя, что же ты его постоянно спрашиваешь? А-а, ты хочешь, что бы я сам тебе его назвал. Не так ли?! А зачем? Но ведь ты – анэстир! А все анестиры, пусть их души стонут в Эплуде, - маги. А зачем магу моё имя как не для того, что бы управлять мной?! Что скажешь?

Зал ахнул.

- Ну, задавать вопросы и я умею, - скучающе ответил Бельт. – Что же до имени? Изволь! Я не собираюсь использовать не тебя не твоих родичей, тем более что я хорошо знаю то, что ты забыл.

- Я забыл?

- Конечно! – улыбнулся Бельт. - А иначе как объяснить, что ты упорно не хочешь назвать мне своего имени? Для этого может быть лишь одна причина, совсем не украшающая владыку Стафоласа. Ты проиграл магический поединок моему

учителю, а я его низложил, и ты знаешь, что это значит, Аль-Офон[51] Старый. Как видишь, я знаю, как тебя зовут, но имя твоё, как ты правильно заметил, мне так же известно. Ты юлишь лишь потому, что надеешься обыграть меня. Ты зол, потому, что история повторяется, а с ней повторяется и твой позор, Аль-Офон. Но я пишу свою историю и не желаю ничего повторять. Я не буду с тобой состязаться. Это – моё право! Не так ли?

- Тогда что тебе нужно?

- Ты сказал, своим родичам, что я – враг, - кивнул Бельт, словно на что-то решаясь. - Я требую, что бы ты взял свои слова обратно.

- На каком основании?..

- Слишком много вопросов, старик, - брезгливо отмахнулся всадник. – Я не буду больше разговаривать с обезумевшим от собственной желчи и злобы колдуном-неудачником. Я обращаюсь к светлым альвам! Я хочу говорить с ними.

---

[51] **Аль-Офон** – суаф – ***офой*** - *золотой*

- Здесь нет светлых альвов! – в исступлении завизжал Аль-Офон.

- Тогда мне нечего здесь делать, - я повернулся к выходу.

- Ты отсюда не уйдёшь! – угрожающе надвинулся на Бельта старик.

- Вот как?! – усмехнулся всадник. – И кто мне помешает?

- Я, - один из альвов мгновенно натянул тетиву и спустил стрелу.

- Чем? – опять спросил всадник, наблюдая, как и стрела и тетива и сам лук рассыпаются в прах. – Вы что, не понимаете слов собственного владыки? Он, конечно, безумен, но не настолько, чтобы не понимать, что за угрозу таит в себе одинокий анэстир для любого в этой пещере. Ты оказала мне большую услугу, альва, и я тебе благодарен, кто бы ты ни была. Признаться, - Бельт расслабленно улыбнулся, - я думал, что всё будет гораздо сложнее, и вы оставите меня в сторожке дожидаться невесть чего. Но ты сделала всё так, как от тебя требовали долг

и честь. Вы, альвы, конечно мастера видений и мороков, но магия драконов совсем иная. Как только я вступил под своды этой пещеры, я воспользовался древним заклятьем, которое наложили твои предки на все свои дома и города. Не так ли, владыка?

- Да, - сокрушённо подтвердил старый альв. – Ты позволила ему войти в наш дом, не взяв с него слова, что он не причинит никому вреда. Так светлые альвы поступали только с друзьями.

- Да! – кивнул всадник. – Но ведь ты сказал, что здесь нет светлых альвов. Как бишь там… а, лесные демоны ночи!

- Да, демоны! Так нас с некоторых пор называют люди, - старик вновь съёжился и злобно посмотрел на Бельта.

- Э, нет! Я – не человек! – покачал головой всадник. - Я – анэстир. Ты, как никто другой знаешь разницу. И потом я могу быть врагом тебе, но ей или ему, - он указал на альва, что спустил стрелу, - я пока друг. Я пока ещё ничего не сделал,

что бы быть врагом. Ты сам это подтвердил, ведь заклятье ещё действует, а его наложили совсем не демоны. И кстати, по законам лесного народа, любого родича, что поднял оружие на гостя, полагается примерно наказать. Там, кажется что-то говориться о смерти… И, кстати, по вашим же законам хозяину дома первому полагается называть себя, вот тебе и основание для моих требований!

- Ты хорошо знаешь наши обычаи, всадник! – вскипела альва.

- А разве я тебе об этом не говорил? – деланно удивился Бельт. – Ах да, мы же начали с архитектуры… Довольно! Я хочу, что бы всё было так, как на самом деле. А ещё я устал и хочу есть… А ещё я хочу, наконец, увидеть то чудо, ради которого я, собственно сюда и прибыл.

- Какое ещё чудо?!

- Как какое чудо? – весело переспросил всадник. - Лейские водопады, конечно. Только ради них стоило сыграть весь этот спектакль. В последнее время я слишком

много трудился, провёл три месяца в пыточной, едва ли не был четвертован, бежал, поднялся на самую прекрасную вершину Бакрона, стал учеником величайшего мага, победившего самого Аль-Офона Старого… Разбогател, в конце-концов! Могу я, наконец, отдохнуть в прохладных водах озера Большого Шлема или набраться сил в живительных ключах Малого Каскада?!

- Это будет дорого тебе стоить, всадник, - ответила альва.

- О цене сговоримся позже, - брезгливо поморщился Бельт. - Какова бы она ни была, я могу предложить намного больше.

- Ты что-то говорил о предмете разговора… - прищурилась альва.

- Ты проницательна, любезная альва, - улыбнулся Бельт. – Если ты всё же скажешь, с кем я имею дело, то мы поладим. Пока же советую вспомнить поговорку насчёт врага моего врага…

Больше Бельт мне ничего не рассказал. Он наотрез отказывался разговаривать на эту тему!

«По крайней мере, до тех пор, пока не закончится время, после которого о чём-либо умалчивать, будет просто бессмысленно!» - отрезал он. – «Впрочем, поверь, всё, что произошло в логове альвов под Большим Шлемом и до встречи с тобой, касается меня и только меня! Что же до итогов?.. Я добился всего, чего хотел, так что на юге у нас есть такой союзник, о котором можно лишь мечтать. Альвы не пропустят через Стафолас ни одно воинство. И не только воинство! Теперь нам нужно лететь к степям Юнольта и договариваться с тамошними зольданами[52], и постараться, чтобы и те вспомнили былые времена»

Рассказ 12. **Старый друг…**

[52] ***зольдан*** – военно-административное звание степных предводителей, возникшее во времена их недолгого союза с альвами

Здесь я не буду столь подробным, как раньше, поскольку поиск кочевий степняков на огромной, бескрайней равнине – дело хлопотное. От места нашей встречи, мы два дня летели на северо-восток, что бы преодолеть темнеющий и казавшийся бескрайним Стафолас. Лесное море лишь к вечеру второго дня поредело, когда показались небольшие холмы, а затем озёра среди скал. За озёрами лес отступил, показались какие-то селения, перемежающиеся с пашней и лесными полосами. Пару раз мы видели укрепления, уже в сумерках мы наткнулись на длинный вал, утыканный несколькими рядами частокола, с установленными сторожевыми вышками.

- Полагаю, мы на верном пути! – заметил Бельт. – Эти укрепления совсем не годятся для того, что бы остановить большое воинство, но подходят как раз для того, что бы замедлить чьё-то продвиженье и предупредить тех, кто скрываются за частоколом.

- Я думаю, где бы нам остановиться, - сказал я, делая последний круг над валом.

- Найдём! – ответил Бельт.

Мы долетели до подходящей возвышенности – груды камней, отшлифованной ветром, и спустились вниз. Бельт развёл огонь и раскрыл припасы.

- Свежатинки бы! – усмехнулся он.

- Да уж, - ответил я и взмыл вверх. – Я приметил небольшое стадо к югу отсюда. Так что жди ужин.

Охота для любого хищника особое удовольствие, время, когда он показывает, на что способен. Для драконов же это сродни развлечению. Во-первых, потому что у драконов множество способов добыть пропитание. И совсем не обязательно, подобно орлам пикировать на ничего не подозревающую жертву, гораздо чаще жертва сама приходит прямо в пасть. Это, даже интересней. Впрочем, об искусстве драконьей охоты можно много говорить. Это сейчас, когда мне даже не

приходится заботиться о таких мелочах, я могу со смакованием говорить о моих увлечениях и слабостях. Тогда же я был молод и, если честно – глуп. Иначе бы я воспользовался менее заметным способом стащить пару баранов, ну или хотя бы просто поинтересоваться, а кому эти бараны принадлежат?

Я налетел и вцепился когтями в пару подходящих, жирных самцов и взмыл вверх. Однако, делая кувырок в воздухе, я услышал ор и просвистевшую слева стрелу. Я взмыл повыше. Не то, что бы я испугался, просто не ожидал вообще чего-то подобного. Вскоре я приземлился у костра, что разжёг Бельт и, смеясь, рассказал ему о происшествии.

Но всадника мой поступок не обрадовал. Скорее наоборот. Он встревожился и рассердился. А потом потребовал, чтобы я поднялся повыше и обязательно обследовал округу. Я заметил, что в нашу сторону направляется конный отряд и вновь спустился. Бельт быстро затушил

костёр, собрал вещи, а затем мы взметнули. Как раз вовремя! Потому что град стрел и отчаянные крики на непонятном гортанном языке возвестили, что преследователи едва не настигли нас.

- Давай на юг! – скомандовал Бельт. – Они вряд ли будут преследовать нас там. Скорее решат, что мы теперь вне их досягаемости… Хотя, возможно, я и не прав, но тогда они скорее всего продолжат поиски утром.

Мы летели ещё час, прежде чем Бельт разрешил мне спуститься. Всадник был голоден и зол. Я, признаться, тоже проголодался. А потому на свой страх и риск, мы решили-таки развести костерок вновь. Поужинав, он немедленно уснул, попросив, что бы я разбудил его самым ранним утром, до которого оставалось меньше трёх часов. Я же решил ещё раз слетать на разведку. Я сделал несколько кругов, стараясь летать как можно выше. Движений не было никаких, но где-то недалеко на юго-востоке от нас я заметил

тонкую полоску огней. Меня разрывало надвое. И всё же я решился. Я полетел в ту сторону, не думая о том, какие опасности могут меня поджидать. К тому же ещё кружил голову успех в Стафоласе! Я не знал, как быстро по степи передаются тревожные сведения, а потому накинутые на шею и ноги петли, разложенная на земле сеть и невыносимый шум трещоток стали для меня полной неожиданностью.

Я попался как сопливый сосунок! Да что там говорить?! Я и был сопливым сосунком, слишком быстро уверившимся в свои силы. Впрочем, я сопротивлялся, как мог. И кое-что это дало. Выдуть пламя я не смог, так же как обрызгать противника кислотой. Степняки лишь стягивали потуже многочисленные верёвки, так что я едва не задохнулся. Тогда я сменил тактику и вместо того, что бы брыкаться, остановился и попробовал напрячь мышцы. Пара верёвок разорвалась, я сумел освободить переднюю лапу и нанести удар по ближайшему степняку. Тот со

стоном рухнул мне под задние лапы, и тот час был раздавлен. Степняки заверещали, и в меня полетели копья и стрелы. Ну, стрелы не могли мне причинить большого вреда, а вот копья, если бы они попали куда надо – оказали бы «серьёзное воздействие». К счастью, степняки не знали, куда целиться, когда дело имеешь с драконом. А потому копья всего лишь раззадорили меня. А зря! Чем больше я шевелился, тем больше преимуществ давал своим мучителям.

Неуч наткнулся на неучей! Так могло продолжаться ещё долго и неизвестно чем бы закончилось. Вдруг степняков что-то отвлекло. Они ослабили хватку, но всё же не настолько, что бы я смог этим воспользоваться.

Я постарался повернуться в ту сторону. Посреди толпы степняков мелькало малиновое пятно, стараясь прорваться ближе и ближе ко мне. Толпа окружила человека, но не пыталась напасть на него.

- Ты как? – услышал я голос Бельта.

- Пока держусь! – буркнул я.

- Держись!

Вскоре Бельт подошёл ко мне. За собой он вёл какого-то степняка, прижимая его рукой за горло, а к животу приставив кинжал.

- Развяжите его! Живо! – крикнул всадник, покрепче ухватив степняка и жестом сопровождая слова. Толпа стояла до тех пор, пока что-то не хрипнул полузадушенный степняк. Верёвки ослабли. Я вырвался и повернулся к толпе, угрожающе раскрыв пасть.

- Спокойно! – осадил меня Бельт, отшвыривая от себя степняка, который тот час встал. Всадник усмехнулся, увидев, как несколько кочевников тот час заслонили предводителя.

На востоке уже взошло солнце, осветив поле битвы.

- Я буду говорить с кем-то из зольданов! – объявил Бельт. – И чем быстрее, тем лучше, а не то я прикажу дракону спалить всех! И ещё, если кто то из вас готов по

глупости умереть, как те, кто напали на меня спящего в степи, то я могу это устроить… А с тобой, - вдруг, с угрозой в голосе, обратился он ко мне, - я ещё поговорю. Разведчик нашёлся!

Я недовольно брыкнул. Но Бельт уже не смотрел в мою сторону.

- Итак! Мне нужен ваш зольдан! – повторил всадник. Толпа не шелохнулась. Но через некоторое время из неё вышел старик в богатой одежде с большой кораблеобразной шляпой на голове.

- У нас нет зольдана! – ломано сказал он. – Я – Шахти-бей, сын Сурет-зольдана, последнего из зольданов Восточного Улуса. С тех пор, как люди юга разбили нас у Сизой реки, мы не имеем зольданов, а возим дань в Шемраку.

- Вот как? Значит, и вы покорены? – фыркнул Бельт.

- Народ степей никто не покорит! – ответил старик. Тот, которого Бельт отпустил, что-то крикнул, назвав имя

Шахти-бею, но тот лишь поднял небольшую плеть.

- Что ж, если нет зольдана, то с кем я могу говорить, кто может выступить от имени всей Степи? – спросил Бельт.

- Такового нет! – ответил старик, но тут же добавил. – Есть, правда, Эрбель, называющий себя зольданом, но он лишь грабит караваны детей юга, идущие к восточным странам. Он – сын рабыни. Никто его не признаёт!

- Такой мне не нужен! – брезгливо поморщился всадник. – Мне нужны те, кто могут говорить от имени степного народа.

- А зачем они тебе нужны, пришелец? – усмехнулся Шахти-бей. – Даже если они и есть, кто ты такой, что хочешь их собрать для разговора с тобой.

- Я – тайн Лацета, Беллинт, сын Рамлита, всадник Эмадрэкса. Я прибыл сюда, чтобы восстановить прежние союзы для того, чтобы никто не смог помешать мне, изгнать южан с моей земли.

- Ты странно начинаешь восстанавливать прежние союзы, Беллинт, сын Рамлита! – вновь усмехнулся старик. – Украл моих баранов, убил моих людей…

- Тот, кто украл твоих баранов, получит по заслугам, - Бельт пихнул меня рукоятью кинжала. – Но это уже не твоё дело, Шахти-бей, сын Сурет-зольдана. Я же оплачу их стоимость, так, что ты уж точно в накладе не будешь.

Старик кивнул.

- Что же до людей?! Они ведь ловили вора, не так ли? Тогда зачем они напали меня? Спящего? Или степь, с каких-то пор стала только твоей, Шахти-бей? Что скажешь?

- Мои люди проявили к тебе неуважение, и они понесут наказание, тайн Беллинт, - кивнул старик.

- Хорошо! – Бельт вытащил из кушака небольшой мешочек и швырнул его ближайшему степняку. – Это – плата за баранов. Полагаю, её более чем достаточно. Там так же с лихвой хватит,

чтобы покрыть расходы на издержки от неудачной поимки злодея, - усмехнулся всадник.

Мешочек с бриллиантами, один из тех, что взял с собой в дорогу Бельт был подобран и отнесён старику. Тот открыл его и оценивающе посмотрел на камни.

- Да, Шахти-бей! – кивнул всадник. - Это – целое состояние, на которое можно купить не только твой аил с потрохами, но и несколько подобных ему. Как только налюбуешься, постарайся вспомнить законы степного гостеприимства и пока я твой гость, я хочу, что бы это было доставлено во все аилы, до каких могут доскакать твои соплеменники на неделю пути.

С этими словами он извлёк из-за пазухи одно из писем, что писал памятной ночью с Тимом. Старик зыркнул на того степняка, что подобрал мешочек и тот осторожно подошёл к нам. Бельт передал ему грамоту, затем повернулся ко мне.

- Теперь ты, милый друг! – сказал он мне внутренним голосом. – Ты понимаешь, что твоя выходка чуть не испортила всё дело? Неужели нельзя было подождать утра?!

- Но ведь ты сам хотел свежатинки!..

- Я не о баранах, - перебил меня всадник. – Я о твоей грандиозной разведывательной операции! А если бы ты застал их врасплох? Ты что, спалить их решил бы?!

- Ну, Бельт!..

- Что, «Бельт»?! – смерил меня уничижающим взглядом всадник. - Это – степь! Да дело даже не в степи. Если бы не этот старик, нам точно пришлось бы здесь всё спалить, а заодно и надежды на союз со степняками. Как бы мы тогда брали столь полюбившийся тебе Зимаркас? Я рассчитываю именно на то, что народ Степи поможет мне взять северный оплот южан, а ты чуть не спалил их деревню. Запомни! Воровство в степи это такое же плёвое дело, как поковырять зубы палочкой после обеда. Здесь все, если не пасут, то воруют то, что пасут другие. А

вот нападение на селение, это совсем другое! Это – кровная обида.

- Но я и не хотел…

- А какого рожна ты тогда сюда полез?! – он замахнулся на меня вытащенным кистенем. - Ладно, хватит! Я тоже виноват. Не доглядел. Надо было сразу искать их как это… аил. Теперь вся надежда на этого старика с корытом на голове.

- Что ж, - послышалось за спиной, Бельт обернулся. Шакти-бей сворачивал письмо.

- И вправду пора вспомнить о законах гостеприимства, - сказал старик, отдавая письмо своему приближённому и что-то ему наказывая. – У нас есть так же поговорка о старом друге, который стоит двух новых. Приятно, что тайн Лацэта оказал почёт сперва моему аилу.

Старик широко улыбнулся, обнажая щербатый рот. Я не видел, но понял, что и мой всадник сейчас так же широко улыбается.

- Возможно, тебя когда-нибудь убью за твои выходки, - сказал он мне, - но не сегодня.

И пошёл в сторону старика, раскидывая руки в приветственном жесте.

Рассказ 13. **Северный ветер**

Если рассказывать про то, что важно для любого дракона, так это без сомнения, чувство полёта! Во всём! В любом деле, что мы делаем, даже на земле, ощущение, будто мы разрезаем крылами воздух – то, что наполняет каждое мгновение нашей жизни особым, ни с чем несравнимым чувством и смыслом.

А крылья для полёта, словно парусам кораблей нам надувает свежий ветер. Ветер, дующий с севера. Наш ветер! Он холодный, злой, иногда больно хлещущий, иногда наполненный острыми осколками льда, украденного у тяжёлых ледяных островов, что вспахивают поля сурового Антабона. Этот ветер заставляет

нас, драконов севера быть беспощадными и холодными, но он же зажигает в нас потаённый огонь благородства, ради которого мы не спалили весь мир.

Сегодня этот ветер дул с особенной силой. Он подгонял разъезды посыльных, нещадно хлеставших своих скакунов. За обшлагами своих телогреек они несли в отдалённые уголки степи, вплоть до предгорий Юнольта послание, подписанное тайном Лацета. В послании было много и цветисто понаписано, но главное, было даже не в нём! А в подписи и печати.

Через три дня послание достигло всех, кому было адресовано. Через десять дней в становище Шакти-бея пришли ответы. Не все они вызвали у моего всадника одобрение. Прочитав некоторые, он хмуро замечал «Мы запомним Саке-бея!». После чтения других, он смотрел на Шакти-бея и с улыбкой говорил: «Милость милующим!» Общий сбор всех беев решено было провести в месте, которое

считалось у степняков Восточного Байфа[53] священным. Туда же должны были прибыть и гости из Стафоласа.

Однако почти в самый последний момент Бельт, за всё это время почти не севший мне на спину, решил, как он сказал «Прогуляться».

- Мне всё это не нравится! – заявил всадник, едва мы взмыли в воздух.

- Что именно?! – недоверчиво спросил я.

- Мне не нравится этот хитрый старик, не нравится то, что вместе с моим письмом он отсылает по степным селениям и своё послание. А ещё, и я это должен немедленно проверить, но вначале, - его слова стали сбивчивыми. – Вначале… Скажи, Эмадрэкс! Дед когда-нибудь упоминал о тенерожденьях?

- Да… - ответил я. – Правда, один раз…

- Что именно?!

- Что если дует подходящий ветер, дракон может из собственной тени и крови создать себе подобие. Что это

[53] **Байф** – суаф - *большая равнина*, так нестепные народы называли лесо-степную равнину к югу от Стафоласа между Юнольтом и Бакроном

подобие будет делать то же, что и дракон…

- Нам нужно попробовать! – заявил Бельт. – Мне надо быть в одном месте, но так, что бы одновременно я был и в другом.

- Я никогда этого не делал! – возмутился я.

- Что-то всегда происходит впервые, Эмадрэкс! Нам так надо… Скажи, - спросил он вдруг. – Тебя хорошо покормили сегодня?

- Да, - неосознанно ответил я.

- Тогда ты не ослабнешь сразу, - кивнул он. – А теперь запомни, Эмадрэкс. Когда ты создашь тенерождение, ты должен немедленно лететь на запад… Помнишь тот вал, который мы пролетали?

- Да, - обречённо ответил я, поняв, что с ним бесполезно спорить. – Что я должен сделать?

- Если я правильно подумал, то те трое, что пару часов назад выехали по какому-то поручению жены бея из селения, сейчас во

весь опор скачут к вышкам. Они не должны добраться до вала, ни при каких обстоятельствах! Потом ты вернёшься, и некоторое время побудешь на виду, пока я якобы уеду охотиться с сыном Шакти-бея.

- С тем, которого ты легко прижал памятным утром?

- Да! Так вот, я хочу вместо охоты слетать с ним в это священное место. И ещё кое-куда, вернее, коек к кому…

- К некоему Эрбелю? – догадался я.

- Да!

- На тенерожденном ты этого сделать не сможешь. Он умеет делать всё, что и я, только не огонь.

- Плохо! К тому же мы не сможем общаться, ведь тени немы, - с досадой сообщил он.

- Ничего, у драконов есть и другие способы, к тому же ветер сейчас как раз тот, что нужно, а в полдень он может смениться! – я решился. - К этому Эрбелю полечу я!

- Что ж, быть по сему…

- Я поймал поток! Приготовься! – с этими словами я взмыл вертикально вверх, навстречу воздушному урагану. Холод пронзил меня тысячами невидимых пик, но я не замечал ничего вокруг, сосредоточив всё внимание на тени… И вот мой всадник уже высматривал в облаках второго меня. Когда же он, наконец, нашёл, что искал, я почувствовал на спине непривычную лёгкость. Я взмыл ещё выше, и выше, подальше в небо, что бы никакой самый зоркий глаз в маленькой чёрной точке не углядел второго дракона.

- Получилось! – услышал я, где-то издалека голос Бельта. – Доброго ветра тебе, Эмадрэкс.

- И тебе, Беллинт!

Я немедленно развернулся на запад и вскоре уже заметил три быстро передвигающихся по степи точки. Мне не составило большого труда нагнать их и сбросить с коней двоих. Увидев участь собратьев, третий лишь пришпорил коня.

Но я преградил ему путь, заставив остановиться.

- Бумагу! – рявкнул я как можно грозней.

Повинуясь моему внутреннему призыву, степняк вытащил письмо и бросил его на землю. Этого было достаточно. Я приказал ему убираться восвояси и когда тот повернул лошадь, от души дунул на него пламенем. Затем, аккуратно подобрав письмо, я положил его в ременную сумку, и принялся за товарищей непутёвого степняка. Им я не оказал такой чести, как спалённому, а просто съел, как сделал бы на моём месте всякий дракон. Я убедился, что никаких следов не осталось, только отправил в ту же сумку шапку одного и ремень другого степняка. Затем взмыл ввысь.

Через полчаса я был в селении. Как раз в то время, когда Бельт выезжал с сыном Шакти-бея на охоту. Несмотря на размеры, мне удалось незаметно подкрасться к моему бестолковому двойнику, которым управлял Бельт. Едва

мы оказались рядом, он немедленно взмыл вверх. Скоро время обеда, и ко мне должны были принести пару тучных баранов. Тень всё равно бы съесть их не смогла, а вот мне нужны были свежие силы. Ведь каждая минута двойственности отнимала у меня часть крови. И хотя сейчас я был сыт, переваривая двух степняков и их коней, но спустя пару часов мне нужно было вновь плотно поесть.

Бельт и его раскрасневшийся и отчего-то очень мрачный спутник прибыли, без дичи спустя три часа после отъезда. Сославшись на неудачную охоту, сын бея ушёл в свой шатёр. Тень бесшумно спустился ко мне, едва Бельт по приглашению бея вошёл в его шатёр. Настал мой час.

Я взмыл вверх, убедившись, что за драконом никто не наблюдает. Быстро набрав высоту, я так же быстро понёсся в сторону, в которой, как объяснили Бельту шёл путь в страны, расположенные на

юго-востоке континента. Там промышлял разбоем этот самый Эрбель. Я летел несколько часов, по дороге стараясь собирать дичь так, что бы не наткнуться на чью либо стоянку. С трудом, но мне это удалось.

Вскоре я заметил вереницу людей, шедших на невиданных мною шерстистых животных. Я вспомнил рассказы старого бия, о вьючных зверях, отдалённо похожих на лошадей, только много больше, которые используют торговцы. Я понял, что достиг половины цели. Осталось найти на этом пути нужного мне человека.

Я смертельно устал. Сказывалось действие чар. Кровь потихоньку выходила из моего тела, превращаясь в энергию для жизни тень. Я решил, что ночью тень использоваться Бельтом не будет, а значит нити, связующие меня с тенью можно ослабить, тем самым дав отдых самому себе без страха не проснуться от потери крови. Ещё не хватало погибнуть так бестолково! Я спал до рассвета, а затем

решил двигаться за караваном. Так могло пройти даже много дней, но очень скоро я заметил движение у небольших холмов, которые преграждали путь каравану. Я быстро понёсся в ту сторону. И стал ждать, что будет дальше.

Вскоре я увидел, как едва караван достиг холмов, те ожили, превратившись в маленькое войско. Караванники были обречены, а потому сдались совсем без боя. Часть их посадили чудных животных и отправили обратно. Другая часть была немедленно связана. Степняки с улюлюканьем и песнями отправились к югу, видимо там было их логово. Как я заметил, всеми ими заправлял один одноглазый средних лет с красным копьём на большом чёрном коне человек. Я понял, что это предводитель.

Мгновение! И сиганул прямо на него. Я подхватил одноглазого и, вытянув из стремян, взмыл вверх. Всё оказалось так неожиданно, что я даже не услышал знакомого полёта стрелы. Увидев, что

степняки всё же погнались за мной, я скрылся в ближайшем облаке, а уже потом слетел вниз. Я выбросил одноглазого как-раз в тот миг, когда он извлёк-таки из ножен кривой меч. Он кубарем скатился, но быстро встал и, что-то говоря на своём языке, двинулся на меня.

Больших усилий стоило мне остановить его силой убеждения. Он был вождём, это было ясно! Но был ли он Эрбелем?

- Ты – Эрбель? – спросил его я, приложив все усилия, что бы вспомнить хотя бы то, что я за эти дни изучил из их языка.

- Да, порождение чейтанов! – угрюмо ответил он.

- Ты называешь себя зольданом?

- Так называют меня в народе, - в тон ответил он.

- Меня зовут Эмадрэкс! Я – сетир Лацета, страны, к северу от Степи.

- На севере нет никакой страны Лацэт, - отрезал Эрбель.

- Уже есть, - ответил я. – Она восстала из небытия усилием того, кто передаёт тебе послание.

- Что за послание?

- Если ты и впрямь Эрбель, которого многие прокляли, а многие считают зольданом восточного Байфа, то с восстановлением Лацэта его правители желают восстановить и подтвердить все союзы, что у них были со всеми, с кем они эти союзы заключали.

- Что мне с того?!

- А то, что правители Лацэта никогда не заключали союзы со степняками, а только с их зольданами. Если ты и впрямь зольдан восточного Байфа, то завтра в полдень ты подтвердишь свой союз с тайном Лацэта в Орлином урочище, месте, где он был заключен и куда завтра съедутся почти все беи родов. Если же нет, то не быть и союзу, и изгнав детей юга из своей страны, правители Лацэта пожелают установить свою власть и над восточным Байфом.

- Ты сказал, что вы – враги детей юга?

- Да, - кивнул я, ослабляя влияние, которое, признаться, с учётом чар тени, начало меня изматывать.

- Так почему ваши вожди хотят захватить наши степи?

- Потому, что если они этого не сделают, то дети юга заставят вас воевать против Лацэта.

- Этого не будет! - пылко ответил степняк.

- Этого не будет только тогда, когда восточным Байфом будет управлять крепкий зольдан, верный прежнему союзу. Такому человеку мы бы помогли удержать власть на этих землях, в обмен на то, что в нужное время он повернёт своё войско против наших общих врагов.

Последние слова смутили сурового воина.

- Я должен подумать! – сказал он, опуская голову. Конечно, он должен подумать, не каждый день на него накидывается с неба дракон, делающий ТАКИЕ предложения.

- Думай! – согласился я. – Но помни, если завтра в полдень в Орлином урочище не будет зольдана, не будет и союза.

Я вновь взмыл в небо, краем глаза заметив приближающихся степняков.

- И ничего не будет, Эрбель! – громогласно крикнул я, так, что степь содрогнулась. Я потратил на этот последний крик много сил, но они того стоили. Нечего и говорить, что в селение Шакти-бея я прилетел совершенно обессиленный. Бельт это понял, а потому, несмотря на угрюмый вид скупого бея, приказал накормить меня двойным рационом.

- Завтра нам предстоит тяжёлый день, - сказал он и пристально посмотрел на старика, - я хочу быть уверен во всём и во всех… Кстати, а на охоте твой сын так восхищённо рассказывал мне о Эрбеле…

- Об этом одноглазом сыне шелудивой собаки?! – фыркнул раздосадованный Шакти-бей, найдя на ком сорвать гнев. – Его люди всего лишь грабят караваны к

югу отсюда. Правда, его отцом был Арнайыр-багдур[54], который командовал при мом отце левым крылом нашего воинства в той злопамятной битве с детьми юга.

- Вот-вот! – поддакнул Бельт. - Твой сын сказал, что благодаря Арнайыру южане не уничтожили всех вас.

- Да, - признал старик, - это так… Но это не даёт его сыну повод присваивать себе права, которых ему не давали.

- Оставим эту тему, - примирительно улыбнулся Бельт, - в конце концов, этот Эрбель далеко, и вряд ли мы о нём теперь услышим.

Рассказ 14. **Отрепетированные роли**

День, проведённый нами в Орлином урочище – один из тех достопамятных дней, о которых вспоминаешь с двойственным чувством. Рано утром Бельт

[54] **багдур** – витязь, рыцарь. У степняков не было регулярных войск, но были люди - багдуры, которые вставали во главе ополчения, служившие постоянно при том или ином зольдане или бее.

рассказал мне о разговоре, что произошёл между ним и сыном Шакти-бея.

«Я наверняка знаю, что твой отец предал меня и тех беев, что завтра соберутся для подтверждения старого союза. Доказательства находятся в сумке, на поясе моего дракона. – Без обиняков перешёл Бельт, когда сселение едва скрылось из виду. - Он – хитрый лис, и я его понимаю. Я бы на его месте поступил бы точно так же. Ведь он защищает своё прошлое. Но не я, не ты, сейчас не на его месте! Да, да, друг мой, не ты! Ты – молод, полон сил и достаточно честолюбив, что бы понимать, что в любом случае завтра будущее изменится. И жизнь, к которой ты привык, уйдёт безвозвратно. Но главное даже не в этом! Завтра у кого-то из нас вообще не окажется будущего. Я, как ты понимаешь, не хочу, чтобы его не оказалось у меня. И сейчас я намерен для этого кое-что предпринять. Пока я это делаю, ты волен повернуть назад и всё рассказать отцу, только тогда и ты и он должны будут

искать убежища, надёжнее, чем вал, к которому Шакти-бей послал телохранителей твоей матери. Я уничтожу вас и весь ваш аил. И о тебе даже не вспомнят, ведь пока ты – всего лишь сын Шакти-бея. А мне ваша смерть нужна будет хотя бы для того, что показать всем остальным в степи мощь, которой я обладаю на самом деле. Да и ты бы поступил так же, будь ты на моём месте! Но есть и другой способ решить всё так, что бы довольны остались все… Ну, почти все»

«Ты хочешь убить моего отца?!»

«В миг, когда он отправил людей к валу, он уже стал мертвецом. Но я скажу тебе больше, сын Шакти-бея! Я хотел, что бы он послал людей к валу. Мне нужен был кто-то, кто постарается заработать на мне дешёвую славу. И когда твой отец презрительно упомянул о некоем Эрбеле, я понял, что он это сделает, и в душе порадовался, что мне не надо искать другого на роль предателя. Он принял

верное решение, что бы защитить своё прошлое, ты можешь позаботиться о своём будущем. Этот Эрбель, если он действительно таков, что я о нём слышал, он станет зольданом! Но он никогда не сможет управлять степью. Потому что такие, как твой отец, будут видеть в нём только сына рабыни. Он сможет держать в узде степь лишь силой своего оружия и помощью, которую я ему предложил…»

«Ты ему предложил?!»

«Да! – улыбнулся Бельт. - И завтра в урочище он даст мне ответ. Немного зная о нём, не думаю, что он откажет… Но для тебя не это главное! Ты – законный сын своего отца, мудрого правителя и своей матери – истинной дочери степей. Эрбель – хороший воин, и сын военачальника и наложницы. Он поведёт степное войско! Но чьё это будет войско?! Его?! Нет! И мы оба это знаем. Как думаешь, с кем мне лучше будет договориться, с ним, или с тобой?.. Я улетаю, когда я прилечу, я хочу

знать ответ на этот вопрос, сын Шакти-бея!»…

- Он согласился?

- Ему столько же лет, сколько и мне, Эмадрэкс, - сказал, улыбнувшись, Бельт. – Он, как и я молод и честолюбив. Но он не прошёл и десятой доли того, что я сперва почерпнул из книг Урдор-ди-Хвира, а потом у ног твоего деда. Нам было отпущено мало времени, а потому старый ворчун наставлял меня не щадя обоих. «Дети степняков не любят долго оставаться безымянными», - сказал мне он, когда мы коснулись Байфа. Теперь, друг мой, у нас есть всё, что бы мы спокойно вернулись восвояси, не заботясь более ни о чём. Что бы ни произошло сегодня в полдень, это уже ничего не изменит. Я бы даже сейчас улетел, не имей я на этом сборище мной же определённой роли.

- Когда ты понял, что Эрбель согласиться?! – спросил я, догадываясь о том, что мой наездник даже в этом не сомневается.

Тот широко и весело улыбнулся.

- Когда понял, как именно ты собираешься, сообщить ему о моём предложении… не смотри на меня так! Я успел изучить и тебя, мой друг. Ты очень тяготеешь к дешёвым представлениям. Одно нанизывание на ламму чего стоит.

- Я съем тебя, со всеми твоими хитроумными потрохами, жук навозный!

- Только попробуй, облезлая ящерица! Подавишься! – с этими словами Бельт вошёл в шатёр Шакти-бея, к которому направлялся, когда мы внутренне «мило» беседовали.

К сказанному стоит добавить, что всё, что задумал мой всадник, произошло так, как он и задумывал. Если кому не хватает воображения, тот, конечно может счесть меня скупым на слова, но у кого его достаточно, может представить свою постановку ярморочной сценки «Фокус с последующим разоблачением».

Вечером того же дня мы уже покрывали пространство над степью, двигаясь всё

дальше и дальше от места, где пал, пронзённый мечом собственного сына неверный Шакти-бей, где подняли на щит Эрбеля-зольдана и подтвердили все клятвы прежнего союза.

Через неделю мы спустились в Урочную впадину и под дикие восторженные крики приветствия Тима и Калпета величаво и победоносно прошагали к двери лаза. Здесь, среди своих Бельт мог не притворяться. Он был таким, каким его знали много лет. Но все понимали, что за прошедший год многое безвозвратно изменилось, а потому и Бельт и остальные вели себя немного неуверенно. Я же впервые ощутил страшный прилив усталости и когда сказал об этом всаднику, тот заметил, что ничего странного в том нет.

- Ты не спал больше месяца! Можешь, конечно, не спать и ещё столько же, но рано или поздно тебе нужно будет это сделать! Да-да! Через неделю Эмгуссэ прилетит с новыми драконами, ты должен

быть бодр, и если что пойдёт не так, я могу рассчитывать только на тебя.

Я понял, на что он намекает и, не споря улёгся прямо перед входом. Стояло жаркое лето, и даже в предгорьях было тепло и благодатно.

Неделя прошла с условленным тычком и звоном внутреннего голоса, более напоминавшем набат. Я встрепенулся.

- Просыпайся, лежебока! – усмехнулся Бельт, когда я открыл один глаз. – А то всё интересное пропустишь. Я уже связался с Эмгуссэ и Тюдратом. Через час они выводят парочку из пещеры. Ко времени их прилёта ты должен подняться во-он туда, - всадник указал на широкий уступ, возвышающийся слева от лаза. – Если что пойдёт не так, сразу же бери всё на себя и не церемонься.

- Как язык Тима? – деловито спросил я, стараясь придать своему голосу побольше бодрости.

- Пойдёт! – в тон мне ответил Бельт. – Многое, конечно надо будет подучить, но в целом понимать они друг друга смогут.

- А как Калпет?

- С ним похуже, - нахмурился всадник. - Хотя лицо зажило, некоторые раны заживают куда как медленнее, но, думаю, он справится. Должен справиться. И в этот раз он опять пойдёт первым…

- Первым?! – удивился я.

- Да, - сурово ответил Бельт. – Иначе не пойдёт никогда, а мне он нужен более вверху, чем внизу. За это время, что нас не было, они с Тимом изрядно потрудились. Теперь вереница сообщений идёт к нам со всех концов Лацэта, вплоть до Приморья. Там люди давно сбились в ватаги и не давали судам южан дойти до гаваней Тудэмана и Пниплаата. Они – промысловики, китобои. Но именно они дольше всех сражаются с южанами и говорят, что на некоторых островах Студёного моря вообще не знали, что такое рабство.

- Что они сказали в ответ на письмо?

- Если бы над Талумсимом и впрямь вознёсся пурпурный стяг, они бы присягнули тому, кто его поднял, - улыбаясь, сообщил всадник. – То же дал понять и Заозёрный владетель. Сам он южанин, но уже устал от орденских замашек. Он не выступит против нас, если мы попытаемся освободить Лацэт и присягнёт только тогда, когда мы убедимся, что мы настолько сильны, насколько заявляем. Знаешь, кого он мне напоминает?

- Шакти-бея! – усмехнулся я.

- В точку! – обрадовался он. – Только в отличие от степного князька с корытом на премудрой башке, владетель Лемрата[55] живёт не в шатре, а в замке и окружён не своими сородичами, а лацтианами, а потому вряд ли он посмеет предать нас, зная, что его ждёт. С Фелонтом всё сложнее. Здесь нам пришлось договариваться не с герцогом, он тоже

[55] **Лемрат** – *суаф. – Заозёрье – герцогство Лацэта*

южанин, да к тому же глава капитула в Змаркасе…

- Ого!

- Да, вот тебе и «ого»! – пожал плесами Бельт. – Мы разговаривали с его кнехтами, так южане называют призывников из местных. Они запуганы и вооружены много хуже, чем орденские. Но им до смерти надоели их командиры, помыкающие ими, и задирающие юбки их жёнам кавалеры. К тому же, по их словам, в ордене начался разброд. И те кавалеры, кто живут в Фелонте, это, по сути те, кто прибились к герцогу и питаются с его стола. Остальные же носа не высовывают дальше ворот Зимаркаса. Они считают, что герцога надо сместить с поста главы северного капитула и ждут для этого удобного повода.

- Что ж, - усмехнулся я, подмигивая всаднику. – Может быть, мы дадим им этот повод? К тому же хорошее оружие и у нас имеется. Что мэр Талумсима?

- Насчёт оружия – это мысль. А что до мэра? – вздохнул Бельт. – О нём говорят разное! На вешний вид это – маленький, заплывший жиром старичок ни во что особо не вмешивающийся. Но при нём ни один кавалер или барон не позволяет себе в городе того, что творит за его пределами. Торговля южан процветает, но никто не трогает и наших ремесленников. В свою бытность он железной рукой искоренил большие банды, отравлявшие окрестности и державшие почти весь Талумсим в страхе. Дорога на юг до сих пор утыкана висельными станками. Так, по крайней мере, мне рассказывали. В общем, старичок неоднозначный.

- То, что ты говоришь, напомнило мне большую уборку, что затеяла жена Шакти-бея, узнав, что на сход родов приедет её брат, - заметил я.

- Вот как? – прищурился Бельт. – Думаешь, он с самого начала надеялся на то, что будут гости?

- Не знаю! - задумчиво ответил я. – Ты однажды мне сказал, что не ты один получил от деда весть о нас. Спроси Тюдрата, как именно к нему пришло такое же откровение? Ведь что-то же заставило его не усомниться в словах старого Урпрана. Значит, он многое знал, прежде чем исполнить повеление. Вряд ли Урпран заставил его это сделать… Ну, ты понимаешь, как.

- Да, понимаю, понимаю!.. Ты считаешь, что старик и мэру отвёл какую то роль?

- А что ему мешало это сделать? Кто мэр по происхождению? Южанин или местный.

- Всё, что я знаю, это то, что он – житель Талумсима. Но ведь и южане долго живут в Талумсиме! Кстати, позже, это может стать для нас отдельной помехой. Надо непременно посмотреть, что об этом говорится в книгах.

- Как лацтиане берегли чистоту своей крови? – усмехнулся я.

- И это тоже, - кивнул Бельт…

- Мы летим! – послышался вдруг голос Эмгуссэ, прервавший наш разговор.

- Надо приготовить Тима и Калпу! – с этими словами Бельт оставил меня. Вскоре, дверь широко распахнулась. Увидев это, я взлетел и сел в условленном месте. Теперь я мог видеть представление с удобной ложи. Мне виден был каждый участок небольшого чашеобразного каньона, названного Бельтом Лаксмофорэ. Небольшой ручей, текущий в юго-западной его части, когда-то давно был полноводной речкой, которая и выдолбила этот каньон. Сейчас же большая часть каньона представляла плоское каменистое поле с отвалом камней перед самым выходом из лаза.

Урочная впадина идеально подходила для тех целей, в каких мы её использовали. Видимо и в древности она служила для таких же целей. Иначе как объяснить большой арсенал хорошо сохранившегося оружия, лекарств и провианта прямо рядом с выходом? Казармы, лазарет,

трапезная, всё говорило о том, что здесь жили не только в надежде на успешное бегство, он и активно его использовали в мирное время. Значит, Лаксмофорэ издревле была одним из мест, где драконы впервые встречались с всадниками. Я попытался найти подтверждение собственной догадке и обнаружил многочисленные выбоины и углубления, больше напоминавшие огромные кресла. Мои предки явно забавлялись представлением. Что ж, настала и моя пора!

Когда я убедился, что всё пространство каньона хорошо просматривается с точки моего обзора, то устремил взгляд на запад. Вскоре в вышине появились три тёмных пятна. Они быстро приближались, издали их можно было приять за больших птиц. Когда Эмгуссэ достигла каньона, двое молодых драконов попытались рвануть в разные стороны. Но моего вмешательства не потребовалось. Драконица взметнула ввысь и мгновенно оказалась позади

собратьев. Затем она как бы понукнула их за хвосты, и те сиганули вниз. В остальном она действовала, как и я в первый раз. Вначале один дракон оказался у входа. Там уже стоял изготовившийся Калпет. Он был полон решимости. Несмотря на первый неудачный опыт, он решил попробовать ещё раз, пытаясь доказать, по крайней мере, самому себе, на что способны настоящие фелонтинцы.

Когда дракон приблизился, он сделал выпад, причём так чётко, что всё представление заняло мгновение. Как будто Калпет много раз репетировал. Впрочем, может, так и было. Он позволил своему визави лишь чуть коснуться правого плеча и сделать ритуальный надрез. Кровь хлынула из плеча и слилась с тёмной кровью дракона. Связь замкнулась! Спустя мгновение я услышал.

«Скайн!»

- Второй шанс! Что ж, неплохое прозвание, - услышал я Бельта. И здесь он первый!

С Тимом получилось не так гладко. Его драконица, конечно не такая резвая, как Эмгуссэ, но гибкая и стремительная, слишком быстро показалась в проёме, и хромец был вытолкнут Бельтом наружу. Он ухватился за крыло драконицы и от неожиданности полоснул по натянутой перепонке. Драконица дёрнулась, Тим упал и ударился головой о камень. Драконица почувствовала кровь, но в следующий миг тёмная смолянистая капля упала на рассечённый висок Тима. Он что-то закричал, и я подумал, что он просит о помощи. Но вдруг я услышал крик Тима, идущий не со стороны входа, а изнутри.

«Медэй!»

Возможно, он хотел назвать дракона как то по-другому, но клянусь всеми своими конечностями, сказано отлично! У меня внутри впервые проснулось, нечто близкое к нежности, глядя на эту красотку. Эмгуссэ, конечно, настоящая драконица, но к Медэй я присмотрюсь поближе…

- Итак, нас пять! – улыбаясь, и явно довольный зрелищем произнёс, наконец, Бельт. – Такую стаю можно показать и в Талумсиме. Мы уже заявили о себе в ближайших окрестностях, скоро осень, пора собирать тот урожай, что мы засеяли с весны. Бадрэт не за горами, и судя по последним неделям Нэфиата, ничто уже не может помешать нам, сделать задуманное.

- Да, - согласился Тим. - А главное – нас уже ждут.

- Мы не должны обманывать надежды! – всё так же улыбаясь, покачал головой Бельт.

- Не должны! – хором откликнулись мы. Бельт расправил полосатое знамя, где серебряное поле пересекали пять полос, а в крыже двигались три неистовых вихря.

Рассказ 15. **Дыхание дракона**

Это рассказ о том, что в один день вы можете, из-за одного предательства многое

потерять и благодаря ему же, обрести нечто гораздо больше.

Мы рассчитывали, что до самого Талумсима нам не придётся обнажать свои клинки и расчехлять копья. К тому же мы летели нагруженные доверху, ожидая встречи с нашими сторонниками в месте, называемом на древних картах Кат-э`Гин[56]. Раньше так называлась одна из башен Силы, установленная посреди тракта, который вёл через Зимаркас и Стафолас на юг. Мы решили, что будет символично устроить встречу в месте одной из башен, которая раньше считалась вратами в Талумсим и Фелонт и была поставлена на границе Эмилацэта и Дуномеи.

Наши крылья были обременены тяжёлой, но приятной ношей. Мы везли сокровища бриллиантовой пещеры и арсеналов Урдор-ди-Хвира. Выросший в Ангурависе, Бельт ничего не знал о том, что находится за его пределами. В тот наш

---

[56] **Кат-э`Гин** – суаф – *Твердыня у тракта*

перелёт мы едва не сбились с курса, а потому было решено, что до Кат-э`Гина стаю поведёт Тим. Выросший в Марлене, он однажды пересёк южный тракт именно в том месте. Мы летели недолго, часть пути была мне знакома, хотя я лишь смутно вспоминал, что десять лет назад мой всадник проезжал дубраву, за которой дорога раздваивалась. Одна часть вела в Пентлент, другая выводила на тракт.

Затем началась незнакомая местность, по большей части равнина, пересечённая многочисленными полями и бледно-серыми крышами домов малых и больших селений. Один раз мы наткнулись на усадьбу местного барона, а чуть поодаль от неё – на заброшенную крепость. В стороне от крепости темнел лес. А сразу за лесом на другой стороне блестящей речной ленты стоял небольшой городок. Красные шпили ратуши напомнили мне такие же в Зимаркасе. И я понял, почему так пристально тогда на них смотрел. И вновь общая память подсказала мне

прочитанное однажды в старых книгах Бельтом: «феляе ацэл сол ди гон»[57]. Кажется, я начал понимать мотив песни городов и селений Лацэта и он мне нравился.

Ремер! - объявил Тим. - Половина пути пройдена!

Были бы мы чуть легче, то взмыли дальше в поднебесье, и не увидели бы всего этого. Теперь я увидел. Я увидел то, что мне предстоит защищать! Но прежде всё это нужно было вернуть. Городок скрылся вдали, и я пообещал себе, что вернусь сюда ещё раз. Как его назвал Тим?

- Ремер[58]!

Через полчаса Тим объявил, что мы почти прибыли. Но уже издали нам показалось, что что-то не так.

- Слишком тихо, и я не вижу лазоревого стяга Дуномеи в назначенном месте! - заподозрил неладное Тим.

- Передай часть своей поклажи нам и Кротлану! – распорядился Бельт. – А сам

---

[57] **«феляе ацэл со ди гон»** - суаф - *дома – это песня камня*

[58] **Ремер** – суаф - *Белореченск*

поднимись повыше. И напряги зрение! Я хочу увидеть, что там происходит во всех подробностях.

Через несколько минут Медэй взмыла вверх, а затем мы увидели картину, которую совсем не ожидали.

Нам открылся тракт, по которому неспешно сновали южане и наёмники-степняки с южной Дуномеи. И те и другие были заняты установкой чего то, отдалённо напоминавшего частокол, но уж больно редко.

- Это колья, используются для казни! – догадался Раслин.

- Да, - согласился Бельт. – И предназначены они для тех, кто должен был подать нам сигнал… Что- то произошло! Что-то пошло не так.

- Но они нас не ждут! – заметил Тюдрат. – Если мы найдём обречённых и освободим их, а кто-то передаст им то оружие, что мы несём, мы сможем их спасти.

- Нет! – покачал головой Бельт. – Мы не успеем. Вот что! Они нас и впрямь не ждут. Если бы они нас ждали, то устроили бы нам засаду, или уже давно перерезали бы всех. А они ведут себя как палачи. Значит, они не знают о нас ничего. Внезапность! Вот что нам нужно!

- Бросаем поклажу, взмываем вверх… - начал Калпет.

- Да, - согласился Бельт. – Но найти и освободить наших людей тоже нужно. Они могут попытаться отыграться на них. Лучше действовать наверняка… Все готовы?

- Да! – все сбросили поклажу и взметнулись вверх, туда, где чёрной точкой парила Медэй. Как только все долетели до неё, Бельт скомандовал:

- Тим, ты знаешь своих людей, а потому займись их поисками! Как найдёшь – освободи и веди в сторону, куда мы сбросили поклажу.

- Да, тайн!

- Калпет и Раслин атакуют справа!

- Да, тайн!

- Тюдрат! За мной!

- Да, тайн!

Атака драконов была мгновенной. Упав на головы врага почти вертикально, драконы вызвали в их рядах ужас. Все оцепенели, и в страшной тишине послышался знакомый гул выдыхаемого пламени. Вскоре весь тракт запылал. Десятки горящих и орущих факелов выскочили из основного пекла, лишь затем, что бы в муках сгореть заживо. Спасения не было.

- Мы проверили драконов! Отстёгиваемся! – скомандовал Бельт. В следующий миг он скатился по моему левому крылу и устремился на первого попавшегося степняка, избежавшего общей участи. Блеснул на солнце его ламма. Голова степняка распрощалась с телом и покатилась в кусты. За степняком во весь галоп скакал южанин, что-то дико вереща. Бельт подставил лезвие Лёйруна под ноги скакуну и тот некоторое

мгновение нёсся без копыт, оставляя за собой кровавый след. Потом конь рухнул наполовину придавив всадника. Пока тот выбирался из-под умирающего коня, к нему подбежал Тюдрат. Злобное лицо южанина искривила маска ужаса, когда он встретился с леденящим душу ликом Тюдрата. Копьё всадника вошло точно в глотку, кроша кости позвоночника и выходя, окрашенное первой кровью из спины. Тюдрат рванул копьё на себя. Оно мгновенно вышло, а в следующий миг обрушилось на очередного врага.

Бельт меж тем вошёл во всё ещё пылавшую реку огня. Доспех на нём заиндевел голубоватой коркой. Выкованный три тысячи лет назад в горниле Подгорной страны, он впитал в себя всю мощь Студёного океана, и чем жарче становилось вокруг, тем холодней становился доспех. Всадник огляделся. Сквозь забрало он увидел, как на противоположной стороне, прижавшись к

земле, пытаются скрыться под насыпью несколько степняков.

- Знакомый приём, Эмадрэкс! Не так ли?! – усмехнулся всадник. Я снизился и схватил пару незадачливых игральщиков в прятки. В ужасе остальные бросились врассыпную. Одного за другим, я ловил всех, и бросал в уже начинающий остывать поток огня. С диким криком новоявленные факелы скорее пытались продолжить бежать, тем усиливая свою боль.

Бельт же вышел из огня и, по-видимому, нашёл нечто интересное для себя, потому что я услышал лишь его фразу: «Ты-то мне и нужен!». Затем все услышали радостный возглас Тима:

- Нашёл! – и поняли, что пленники освобождены.

- Кротлан, Скайн! Что у вас, - спросил сухо Бельт.

- В живых никого нет! – ответили драконы.

- Тогда начинайте прибирать за собой!

- Да, тайн!

- Эмгуссэ, Эмадрэкс!

- У нас тоже никого!

- Это хорошо! – кивнул Бельт. – Больше не надо огня!

Сообща, мы вдохнули воздух и создали два встречных потока. Вскоре, от пожарища не было и следа. Только обуглившиеся останки конструкций и куски жжённой плоти.

Только тут я заметил, как Бельт стоит с открытым уже забралом и, подпирая ногой чьё-то тело, что то говорит на мычащем южном наречии. К нему подошёл Тюдрат, а чуть позже присоединились Калпет и Раслин.

- Он говорит, что товарищей им выдал некто Мингер[59] Боров.

- Этого не может быть! – послышался голос Тима. – Он один из вождей.

Бельт вновь обратился к пленнику на южном наречии.

---

[59] **Мингер** – суаф, *перен. - богатей*

- Он пришёл сам и попросил сто серебряников орденской чеканки. Они сговорились на двадцати, - сообщил Тюдрат.

- Сейчас я разберусь с нашими людьми и сам спрошу у него, всё ещё не веря сказанному, упорствовал тим.

- Нет нужды, - ответил Бельт и убрал сапог с груди южанина. В следующее мгновение Тюдрат всадил, в место, где стоял сапог своё страшное копьё.

- Скажи своим людям, что бы они подвесили тело этого южанина за ноги здесь, а Мингера в другом конце пожара, - приказал меж тем Бельт.

- А что делать с деньгами?

- Он их заработал, - пожал плечами Бельт, направляясь к приближающимся людям Тима, - оставьте при нём.

- Я – тайн Лацэта, Беллинт ре Пентлент!

- Слава ясновельможному Беллинту, тайну Лацэта! – гаркнула обрадованная толпа. Бельт поморщился.

– Ты хорошо их натаскал, - заметил он Тиму, услышав ответный смешок. – Сам себя так же приучил бы доверять словам вожака.

И вслух продолжил:

- Чтобы у нас сразу возникло взаимопонимание, скажу просто: сейчас вы – сброд ни на что не годных мужиков, которые позволили себя предать и пленить. Но есть и хорошая новость – все вы живы. А это значит, что у вас есть ещё время и возможность доказать себе и всему миру, что вы – настоящие лацтиане.

Теперь ещё пара новостей! Первое! Мне нет дела до каждого из вас, потому что моя цель – не спасать ваши задницы, а дойти до Талумсима и показать раз и навсегда всем, что Лацэт восстал из небытия. А потому, коль скоро вас спасли Тимин и Медэй, то им и решать, что с вами делать дальше. И второе! Каждый из вас, раз уж ввязался в это дело, значит объявил всему миру, что он – лацтианин… Признаться, я подумывал, поосадить моих товарищей,

дождаться, когда вас всех посадят на кол, а потом отомстить за вашу бесславную гибель этим выродкам. Но только потому, что вы приняли честь назвать себя лацтианами, я пришёл вам на помощь, как и велит мне долг. А раз вы – лацтиане, то каждый из вас имеет право на свою долю благ и богатств, что скопились за долгие годы тирании и бесправия. Это я к тому, что вы должны усвоить мой единственный урок! Я ни кого не призываю слагать головы за тайна Беллинта ре Пентлента. Я сам первый подставлю свою голову, когда понадобится! Но вы – лацтиане, и пока вы – лацтиане, вам есть за что сражаться. Там, вместе с мешками с оружием, лежат и мешки с драгоценностями, которые не принадлежат вам только потому, что вы ещё пока их не заслужили. Дело, как видите за малым.

- Мы пойдём за тобой туда, куда ты нас поведёшь, тайн Беллинт! – выступил за всех один бородач.

- Я поведу вас сквозь дыханье драконов! – молвил всадник. – И спасти от жара вас сможет только ваша вера. Вера в то, что вы – настоящие лацтиане. Потому что только истинным лацтианам древние Башни Силы, давшие название нашей стране, дали и особый дар: только они могут пройти сквозь пламя дракона, имея веру, и пламя не повредит им. Сейчас мы в нескольких сотнях шагов от основания одной из таких башен! Если бы глупые южане знали, что сила каждой Башни не в её высоте, а в её основании, они бы выгрызли основание. Но это им невдомёк! Им просто не дано понять, что понимает каждый свободный житель Лацета. Мы сильны корнями, а не сучьями. Смотрите! Всё, что делали ещё каких то четверть часа эти ублюдки, сгорело дотла, как и они сами. Но мы не так!

- Куда нам идти, тайн Беллинт? – с жаром спросил бородач.

- Идите туда, где увидите пылающие струи дыхания дракона! – кивнул головой Бельт. - И не на миг не усомнитесь!

Мой всадник застыл каменным изваянием, глядя на то, как последний из этих людей, сжав кулаки, решительно пошёл по чёрной от сажи и пепла дороге в сторону четырёх раззгорающихся струй.

Рассказ 16. **Поклон маленького толстяка**

Возможно, я рассказал слишком много, а может быть и мало. Но в конце я должен поведать о главном. Не о битве в Яблочной долине, нет! Эта славная битва воспета во многих песнях, и будет прославляться ещё и ещё!

И не том, как мы с моим всадником провожали угрюмыми взглядами вереницу южан, изгоняемых из своих домов и обжитых мест туда, где их никто не ждал. Провожали, зная, что не минет и года, как они, вооружённые до зубов

придут не завоёвывать чужую землю, а отвоёвывать свою, ту в которых покоилось не одно поколение их предков. И начнётся страшная война не на жизнь, а на смерть. И не один из вернувшихся не выживет, а все они сгорят страшными факелами. Но натиск их унесёт в иные миры так же и наших братьев и схлынет, оставив след лишь в нашей памяти.

И не о том, как изгнав южан со своей земли, мы устроим побоище и сожжём дотла Зимаркас, оставив лишь милые взору дома, чьи крыши выложены красной обожжённой черепицей. И этот позор мы, увы, будем так же цветисто воспевать, и высокопарно называть «Последним очищением». Силясь при том скрыть правду… В первый раз! Страшную правду, что за несколько домов на лацэтский манер мы загубили столько душ, виновных лишь в том, что они жили под крышами, выложенными чёрным шлаком и жёлтой необожжённой глиной выкрашенной в зелёный цвет.

И не о том, как первая из возведённых нами Башен Силы поднимет свой серебряный купол ввысь, окончательно установив власть небесных всадников над всем Лацэтом. И как при том будут поднимать в небо знак – разноцветных воздушных змеев. И как обнажённые по старому лацетскому обычаю по грудь девушки, нацепив на себя звякающие разноцветные ряды стеклярусных бус, будут дарить всем венки из душистых пряных цветов и трав, призывая на поля урожай и гадая на жениха по купольному блеску. А в полночь всем миром зажгут костёр, становясь вокруг него в огромный хоровод, увеличивающийся по спирали и держа в руке по зажжённому факелу. Как через уже затухающий костёр молодые пары поутру будут лихо перепрыгивать, силясь не обжечься.

Нет! Всё это будет! И всё это будет у всех на глазах, и запомнится всеми, ибо такова цена и благо свободы. Цена и благо – жить

по своим законам и умереть, сражаясь за свою страну.

Нынче же я расскажу о другом. О том, что видел только я. О том, что все должны знать так же, доподлинно, как знает это дракон.

В час, когда ничего из того, что я сказал, не было, когда последний лацтианин с всё так же сжатыми кулаками вышел, как и все его собратья невредимым из огненных струй и пошёл в сторону города, который для всех был чудом сохранившемся за тысячу лет знаком былого Лацэта, и приветливо назывался «Мир вам». В этот час мой всадник взошёл мне на спину, и мы устремились в ту же сторону, что и первые воины возрождённой страны.

Утро следующего дня прошло спокойно. Мы двигались молча. Мы знали, что сейчас в Талумсиме идёт нечто вроде праздничной церемонии. Раз в год южане устраивают представление, на котором присутствуют мэр и глава капитула из Зимаркаса. Мэр передаёт главе ключи от

города, как в тот день, более тысячи лет назад, когда последний глава осаждённого Талумсима выторговал у захватчиков жизнь его жителей в обмен на сдачу города и разрушение городской башни Силы, город хранящей.

Тяжёлые условия сдачи предусматривали и то, что горожане выкинут в окна домов зелёные флаги в знак их согласия с решением мэра. А потому это действо назвали «Праздником зелёных лент», потому что тогда в городе просто не нашлось ни одного зелёного флага. С тех пор горожане нашили множество зелёных знамён. Так что издали большой город оказался затопленным зелёным морем.

- Ты почувствовал? – спросил меня Бельт.

- Что?

- Ветер меняется! Ещё пять минут назад дул с востока, а теперь повеяло холодом. Северо-восточный, кажется…

- Похоже, они ещё не начали, - заметил Раслин.

- Да, ведь сдача произошла в полдень, - согласился Тим.

- В любом случае, мы будем атаковать, только когда подойдёт твой отряд, - вмешался Бельт. - Надо убрать стражу застав и южных ворот. И как можно тише. Отряд должен войти и успеть к ратуше раньше, чем туда подойдут кавалеры капитула. Тим и Калпет поддержат отряд с неба, Раслин сделает так, что бы огнеборцы столпились на одной улице. Тюдрат ты следишь с неба за тем, чтобы они не смогли покинуть город. Все по местам.

- Да, тайн! – ответили всадники.

- Ты чувствуешь башню? – спросил меня всадник.

- Да, западная часть ратуши и тот переулок, полукругом соединяющий две больших улицы, - ответил я.

- Куда удобнее сесть?

- На колокольню! Прямо перед площадью, - ответил я. – Там можно и знамя повесить.

- Да, ты прав, - согласился Бельт. – Но я хочу, чтоб ты уцепился так, чтобы меня увидели стоящие на балконе ратуши.

- Попробую!

Ближе к полудню мы увидели, что с запада к городу движется кавалькада всадников в зелёных плащах. Когда они проскакали через западные ворота Бельт подал знак. На южных башнях немедленно взметнулись лазоревые знамёна и флажки. С той стороны уже доносился гул борьбы, и стало видно, как одно за другим, где сразу, а где через некоторое время, зелёные полосы и флаги заменяют белые простыни и ленты. Когда-то чёрный вихрь кружился на серебряном полотнище свободного Талумсима. Видимо, и на сей раз у горожан не оказалось под спудом нужных знамён. Бельт повелел Тиму снизиться. Появление Медэй вызвало неоднозначные чувства. И без того сбитые с толку горожане в ужасе или восторге выскакивали из домов или скрывались в них. Кое-где я видел

вооружённых людей явно не из городской стражи и не из отряда Тима. Где-то возникали стычки, где-то толпа попросту сметала наспех выстроенный заслон.

Особого ожесточения достигли события на небольшой площади у старой, полузаброшенной крепости. Там несколько человек, выставив перед собой зелёные знамёна, вступили в бой с держащими белые стяги. Медэй кружилась над центральной южной улицей, так что Бельт послал к крепости Скайна. Тот не стал вилять туда-сюда, демонстрируя грациозность, а грохнулся посреди площади и угрожающе зашипел в сторону зелёных. Те замерли, не смея произнести ни звука. Калпет спустился по правому крылу Скайна и поднял забрало. Вид обожжённого наполовину лица заставил всех вскрикнуть. Кое-кто бросил древки и ринулся прочь. Затем я услышал голос Калпета:

- Бегите из города, спасайте ваши бесполезные жизни, пока ваши рабы не

отомстили вам за все годы неволи! И пока я сдерживаю своего дракона.

Затем он повернулся к толпе с белыми стягами. Скайн передвинулся ближе к крепости.

- Кто из вас старший? – спросил Калпет. В ответ все начали перешёптываться и поглядывать друг на друга.

- Кто старший? – повторил вопрос всадник. На сей раз из толпы вышел здоровенный детина в широченных шароварах с мясницким тесаком в руках.

- Ну, я буду, - неуверенно сказал здоровяк.

- Как тебя зовут.

- Калпет, - ответил здоровяк, - я – мясник с Южного Привоза.

- Калпет! – усмехнулся всадник. – Разбей своих людей на отряды и проследи, что бы все кварталы здесь были подчинены им. Их задача усмирять всякий мятеж и не дать сторонникам южан оказать сопротивления. Затем сюда придёт

человек со знаменем Дуномеи. Дальше он скажет, что делать. Ты понял, Калпет?

- Да, мой господин, - кивнул тот.

- Я не твой господин, Калпет, - возразил Калпет, - Я – анэстир Калпет ре Фелонт… И ещё, Калпет.

- Да, анэстир!

- Найди пурпурный лоскут и пусть кто-нибудь из ребят половчее повесит его над башней, чтобы видели все лацтиане.

- Хорошо, анэстир. Мы сделаем это! – на сей раз в голосе мясника с Южного Привоза появилась радость.

Услышав ответ, Калпет кивнул, закрыл забрало и устремился к левому крылу Скайна. Усадив всадника, тот взобрался по стене и, издав грозный рёв, взмыл вверх, присоединяясь к Тиму. О чём-то поговорив с Калпетом, тот спустился вниз, к своим людям. Что-то, крикнув им, он вновь поднялся в небо.

- Всё идёт, как задумано, - удовлетворённо произнёс Бельт. – Теперь наша очередь.

Я спустился к ратуше и, под изумлённые возгласы всех, бывших на площади, уселся на крышу колокольни. Бельт немедленно вытащил из сумки знамя Лацета. С моей помощью он сорвал зелёный стяг и водрузил знамя на шпиль. Затем повернулся к балкону ратуши.

- Меня хорошо видно, мэр Цукан[60]? – задал он вопрос стоявшему посреди остальных богато разодетых членов ратуши старому, грузно дышащему толстяку в зелёном бархатном плаще с золотой массивной цепью на груди. Старик успел вспотеть, и его открытая шея лоснилась от пота. По заведённому порядку вскоре на площадь должна была въехать кавалькада, якобы открывшая ворота, и мэр должен был сказать приветственное слово. Но сейчас мало кто смотрел в сторону западной дороги. Все взоры были устремлены на всадника и его дракона.

---

[60] **Цукан** – суаф – *Избранный предками*

Старик кивнул, сглатывая подкативший комок. Тогда Бельт задал ещё вопрос:

- И меня хорошо слышно, мэр Цукан?

- Да, - тяжело выдохнув, проговорил мэр, - я тебя и вижу и слышу. Что ты хочешь, анэстир?

- Всё, что я хотел, я уже сделал, - ответил Бельт. – Меня зовут Беллинт ре Пентлен, тайн Лацэта. Дело за тобой, городской голова Талумсима.

В этот миг на площадь ворвались всадники. Они почти галопом проскакали к ратуше и спешились, совершенно не замечая происходящее. Наконец, один из них поднялся на первую ступеньку ратуши, и поднял голову вверх. Теперь должна была начаться приветственная речь городского головы. Но старик молчал.

Солнце, вошедшее в зенит, ослепило спешившемуся глаза, и тот, недовольно фыркнув, обратился к мэру с речью.

- Что с тобой, Цукан?! Старина! Ты что, проглотил язык?

Одобрительный хохот сзади возвестил, что шутку главы капитула оценили.

- Давай, скажи просто, что ты рад меня видеть, и кончим этот балаган! – так же весело сказал герцог Фелонтский.

- Мы кончим этот балаган, ты прав, южная псина, - вдруг подал голос Бельт, которому так же надоело молчание мэра, - но лишь после того, как ты и твои сородичи навсегда уберутся из Лацэта!

Я одобрительно заревел. Этот заставило герцога отступить и, задрав голову ещё выше, снять шляпу.

- Ты верно сделал, что снял шляпу перед драконом и его всадником! – заявил Бельт. - За это я оставлю тебе и твоим людям жизнь. А теперь – вон отсюда, пёс! Убирайся к своим хозяевам!

От неожиданности герцог потерял дар речи. Тогда, наконец, заговорил мэр.

- Согласно уговору, с часа, когда над городом воспарит дракон Лацэта, - медленно проговорил он, - свободный город Талумсим более не нуждается в

покровительстве ордена огнеборцев и освобождает себя от выполнения обязательств…

- Что ты такое говоришь? – перебивая мэра, наконец, вымолвил глава огнеборцев.

- ... обязательств, взятых на себя в год Чёрной Чайки!.. Помогите мне, - с этими словами старик судорожно сдёрнул с себя зелёный плащ, оставаясь в серебряном камзоле. Когда к нему подбежали служки, он склонился с их помощью на одно колено, бормоча под нос «Наконец-то! Наконец-то!», затем произнёс:

- Анэстир Беллинт!

- Да, мэр Цукан!

- Властью, данной мне городским советом Талумсима, я мой и город присягает на верность знамени Лацэта! Да склонят непокрытые головы его дети перед величием несущего это знамя, да веют над всеми нами серебряные вихри на веки вечные! Я всё сказал! – мэр склонил голову.

- Город услышал слово своего головы! – прокричал глашатай, скорее по привычке. Но видимо в Талумсиме к словам мэра относились, по крайней мере, с уважением. Вначале члены совета, а за ними городские старшины. Вскоре вся площадь от-мала-до-велика уже стояла со склонённой головой, швыряя на мостовую не нужные уже зелёные флажки. Какой-то расторопный служка стянул вниз тяжёлую хоругвь из изумрудного бархата и сбросил её под ноги герцогу.

В это время с южной дороги на площадь выступили люди Тима, неся в руках серебряный, белый и лазоревый стяги, символы Эмилацэта, Урависа[61] и Дуномеи. Увидев это, кто-то из городских старшин вбежал в дверь ратуши.

Конечно, были и те, кто не принял условий новой игры. Они первыми поспешили бежать. Заметив это, герцог Фелонтский вскочил на коня и поспешил убраться. Лишь один из его людей остался

[61] **Уравис** – суаф – *Предгорье* - так, в общем, называли Глуравис, Западную часть Фелонта и Агруравис, поскольку в древности это была одна земля

на площади. Когда они только достигли конца площади, герцог развернул коня, желая, видимо, что-то сказать. В этот миг убежавший старшина влетел на балкон, держа в руках свёрнутый лоскут. Он взял лоскут и под изумлённые возгласы горожан развернул старое, неизвестно где тысячу лет пролежавшее, серебряное с красной полосой внизу знамя города. При виде знамени герцог скривил губы и, пришпорив вставшего на дыбы коня, умчался прочь.

- Мэр Цукан! – вновь обратился к мэру Бельт.

- Да, тайн Беллинт!

- Известно ли тебе, что в отсутствие мирного господина Лацэта его обязанности исполняет голова Талумсима?

- Нет, тайн.

- Это так, а потому тебе, как временному талактиру, я поручаю в течение месяца провести Собрание Земель и Городов и назначить Советников один к десяти, по числу выборных голов уделов Лацэта.

- Да, тайн.

- А как голове города знамени Лацэта в пятый день второй аксии Бадрэта[62] вывести в поле перед западными воротами семь детей города не старше восемнадцати лет, способных держать оружие, для служения по призыву Ясудиаралитаи.

- Семь детей? - удивился кто-то из Совета, - раньше было пять!

- Я, тайн Лацэта отныне устанавливаю в городе знамени семь Башен Силы, а не пять, как прежде.

- Да будет так! – воскликнул старый мэр, разом прекращая все пересуды. – Всё будет, как ты скажешь, тайн… Только один вопрос!

- Да, мэр Цукан, - кивнул Бельт.

- Почему ты – тайн Лацэта?

- Других тайнов пока нет, - ответил всадник, пожав плечами. – Но как только наберётся нужное число всадников, сетир Лацэта назначит ещё двух тайнов. Кто

---

[62] **«в пятый день второй аксии Бадрэта»** - Бадрэт – третий месяц лета, соответствующий нашему августу, что может означать - «пятнадцатого августа»

знает, может кто-то из них сейчас стоит здесь и смотрит на нас?

Бельт улыбнулся.

- Кто же сетир? – не унимался настырный толстяк.

- Ты смотришь на него, - проревел я. – Меня зовут Эмадрэкс!

НЕБЕСНЫЕ ВСАДНИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая. **Хроники Третьего поколения**

Часть первая. Путешествие к горе и полёт с горы

Рассказ 1. **Разные книги**

Рассказ 2. **Слава и позор**

Рассказ 3. **Расплата и побег**

Рассказ 4. **Дорога вопросов**

Рассказ 5. **Ожидаемая неожиданность**

Рассказ 6. **Моя судьба**

Рассказ 7. **Первая удача и неудача**
Рассказ 8. **Третье колено**

Часть вторая. Стяг над городом
Рассказ 9. **Поиск нужных слов**
Рассказ 10. **Неожиданные ожидания**
Рассказ 11. **Враг моего врага…**
Рассказ 12. **Старый друг…**
Рассказ 13. **Северный ветер**
Рассказ 14. **Отрепетированные роли**
Рассказ 15. **Дыхание дракона**
Рассказ 16. **Поклон маленького толстяка**